

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Материалы Открытой дискуссии
президента АРБ, академика РАН Г.А.Тосуняна
21 апреля 2022 года

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Материалы заседания НКС ООН РАН
15 октября 2022 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Зубаревич Наталья Васильевна

д.г.н., профессор, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пономарев Юрий Валентинович

заместитель председателя Совета директоров КБ «Энерготрансбанк» АО (г. Калининград)

Максимов Андрей Александрович

финансовый директор ПАО «КАМАЗ»

Нигматулин Роберт Искандрович

академик РАН, д.ф.-м.н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Широкова РАН

Бурцев Сергей Михайлович

председатель правления ПАО «Челябинвестбанк»

Щавелёв Сергей Дмитриевич

член Комитета по рынку драгоценных металлов Саморегулируемой организации «Национальная финансовая ассоциация»

НКС ООН РАН

Научно-консультативный совет по правовым,
психологическим и социально-экономическим проблемам
общества Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Открытая дискуссия Президента АРБ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Материалы «Открытой дискуссии
президента АРБ», академика РАН Г.А. Тосуняна
21 апреля 2022 года

Научно-консультативный совет ООН РАН

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Материалы заседания НКС ООН РАН
15 октября 2022 года

Под общей редакцией
**академика РАН
Г.А. Тосуняна**

Москва
2023

УДК 332.14(470+571)(082)

ББК 65.049(2Рос)я43

Н72

Новая экономическая реальность: региональный разрез: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ», академика РАН Г.А. Тосуняна 21 апреля 2022 года. **Российский рынок драгоценных металлов:** материалы заседания НКС ООН РАН 15 октября 2022 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права [под общ. ред. академика РАН Г. А. Тосуняна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 161 с. — ISBN 978-5-6047557-7-8.

В первой части сборника доклады известных ученых, экономистов, банкиров посвящены проблемам и основным рискам, с которыми столкнулись регионы в начале 2022 года. Анализируя итоги экономического состояния 2021 года и первого квартала 2022 года, авторы докладов, а также участники обсуждений высказали ряд конкретных предложений по улучшению ситуации, дали оценки изменениям, которые происходят в экономиках регионов России. Читатель сможет узнать: где искать источники инвестиций в региональные экономики, что станет с доходами населения и занятостью, и многое другое.

Во второй части сборника рассматриваются вопросы, связанные с рынком драгоценных металлов, на который оказывается мощное санкционное давление, и, как следствие, в отрасли наблюдается снижение объемов добычи, рост себестоимости продукции, падение продаж. Власти считают, что драгметаллы смогут потеснить доллары и евро в структуре накоплений россиян, в том числе и в силу того, что оборот этих валют, по крайней мере сейчас, ограничен. Так ли это, и как будет развиваться рынок?

УДК 332.14(470+571)(082)

ББК 65.049(2Рос)я43

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6047557-7-8

© Тосунян Г.А., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН..... 5

Справка 10

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 15

ДОКЛАД 1. *проф.* ЗУБАРЕВИЧ Н.В..... 22

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 42

ДОКЛАД 2. ПОНОМАРЕВ Ю.В. 43

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 50

ДОКЛАД 3. МАКСИМОВ А.А. 51

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 57

ДОКЛАД 4. *акад.* НИГМАТУЛИН Р.И. 58

ДОКЛАД 5. БУРЦЕВ С.М. 64

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 73

ДИСКУССИЯ: реплики, вопросы, комментарии

ВОЛКОВ М.В. 74

БУЗИН А.Ю. 76

д. э. н. КАПОГУЗОВ Е.А. 77

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 81

проф. ЗУБАРЕВИЧ Н.В. – МАКСИМОВ А.А. 82

проф. НЕЧАЕВ А.А. 84

акад. ТОСУНЯН Г.А..... 85

МАКСИМОВ А.А. – проф. НЕЧАЕВ А.А. –	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.....	86
<i>акад.</i> НИГМАТУЛИН Р.И.	90
БУРЦЕВ С.М.....	92

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	93
--------------------------------	----

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.....	96
-------------------------------	----

ДОКЛАД. ЩАВЕЛЁВ С.Д.	99
-----------------------------------	----

ДИСКУССИЯ: реплики, вопросы, комментарии

<i>акад.</i> ХАБРИЕВА Т.Я. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.....	128
---	-----

<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.....	134
---	-----

<i>к. э. н.</i> ПРЕКСИН О.М. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.	137
--	-----

<i>проф.</i> РАН ОГАНОВ А.Р. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.	140
--	-----

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.....	144
-------------------------------	-----

<i>д. э. н.</i> МЕДВЕДЕВ П.А.	147
------------------------------------	-----

МАМОНТОВ А.Н. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.....	151
----------------------------------	-----

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.....	155
-------------------------------	-----

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

<i>акад.</i> ГУСЕЙНОВ А.А.....	156
--------------------------------	-----

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.....	157
-------------------------------	-----

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН и НИИ ДДиП	159
---	-----

**Состав Научно-консультативного совета
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам
общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный
руководитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований национальной
безопасности России Экспертного института
НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации
русских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального
исследовательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института
системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и
интервенционной радиологии им.
Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ
радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный
сотрудник отдела методологических и
междисциплинарных проблем развития
науки Института истории естествознания и
техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-
секретаря ОХНМ РАН, начальник
лаборатории Всероссийского НИИ
авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института
социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им.
О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель
Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской
общественной организации «Деловая
Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой банковского дела и страхования
ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель
Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный
сотрудник Института социально-
политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный
руководитель Вологодского научного
центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора
социальной эпистемологии Института
философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный
сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий
лабораторией социальной и экономической
психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П. Ширшова
РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией
психологии общения факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова

**ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ**

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

**САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ**

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

**САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА**

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

**САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ**

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

**СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ**

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

**СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

**ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ**

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

**ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

д. ю. н., заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

**ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ**

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШЦЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

Справка

о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ,

Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение **траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!**

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 84 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около **2 тыс. человек**.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 73 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

Открытая дискуссия Президента АРБ

**НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ**

Материалы «Открытой дискуссии
президента АРБ», академика РАН Г.А. Тосуняна
21 апреля 2022 года

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Добрый день!

Мы начинаем нашу «Открытую дискуссию», 63-ю по счету.

Проект мы ведем с 2013 года совместно с вузами-партнерами по всей стране.

«Открытая дискуссия» проходит на платформе Zoom. Также можно смотреть трансляцию на сайте Ассоциации российских банков.

Сегодня заявлено к участию 83 вуза, 10 из которых – коллективно, в своих аудиториях.

С учетом коллективных подключений более 1000 человек принимает участие.

Также с нами представители 41 банка и 14 средств массовой информации.

Тема сегодняшнего заседания: **«Новая экономическая реальность. Региональный разрез».**

Обсудим именно региональную проекцию, которую также обсуждали на съезде Ассоциации российских банков 5 апреля.

Тогда мы в первую очередь говорили о развитии финансового рынка, а сегодня посмотрим на экономическую ситуацию в целом.

Сначала оценим итоги 2021 года, потому что важно понимать, из какого экономического состояния мы перешли в 2022 год.

Приведу ряд статистических показателей.

В 2021 году рост экономики был зафиксирован в 73 из 85 субъектов страны.

Это на 39 субъектов больше в сравнении с 2020 годом.

То есть была положительная динамика.

С профицитом бюджета завершили год 66 регионов.

Совокупный профицит вырос с 605 до 777 миллиардов рублей по итогам прошлого года.

Совокупные доходы региональных неконсолидированных бюджетов выросли на 18%, прежде всего за счет роста поступлений налога на прибыль.

Индекс промышленного производства в 2021 году вырос на 5,3%.

Всё это статистические данные.

К ним можно относиться с доверием, а можно относиться критически.

Мы пользовались официальной статистикой.

Лучшие результаты по итогам 2021 года были у регионов Центрального федерального округа.

Очевидно, что в текущем, 2022-м году экономика регионов на фоне геополитических событий изменится.

Экономика страны в целом изменится.

По мнению многих экспертов, падение ВВП может достигнуть 10%.

В таком случае это будет самое серьезное падение (если оно будет) с середины 90-х годов.

В те годы мы испытывали еще более сложные проблемы.

Но вернемся к обсуждению сегодняшнего дня.

По оценкам Центрального банка, основные проблемы будут связаны с ограничениями на импорт, нарушением логистических цепочек, а в дальнейшем – с возможными ограничениями на экспорт российской продукции.

Наиболее тяжелая обстановка может сложиться в экономически развитых регионах.

Они находятся в гораздо большей зависимости от экспортно-импортных операций.

В докладах ряда экспертных организаций отмечается, что около половины добавленной стоимости в импорте приходится на страны Евросоюза и Северной Америки, в частности, в машинах и оборудовании – 40%, в лекарствах – 34%, в авто – 28%.

Поэтому эти регионы в связи с вводимыми ограничениями могут показать не лучшие – я мягко формулирую – результаты.

Теперь ближе к банковской сфере.

В разрезе регионов мы на съезде АРБ очень четко акцентировали внимание аудитории на концентрации крупнейших игроков, концентрации банковского капитала, активов, клиентов.

На кредитные организации, зарегистрированные в Москве и Санкт-Петербурге, приходится более 95% всех активов банковского сектора.

На банки Центрального и Северо-Западного округов – более 97% всех активов.

На банки остальных шести округов – 3% активов.

В 50 субъектах России самостоятельные региональные банки либо отсутствуют, либо представлены одним кредитным учреждением.

За последние 8 лет общее количество региональных банков сократилось более чем в 2,5 раза.

И более чем вдвое сократилась доля региональных банков в активах: с 8,8% до 4,2%; а также в объеме выданных кредитов субъектам экономики: с 7,3% до 2,6% (то есть почти в 3 раза).

Здесь мне могут возразить и сказать, что московские и питерские банки тоже активно кредитуют в регионах, привлекая ресурсы в крупнейших городах страны, поэтому статистика не означает, что в целом банковское обслуживание не обеспечивает потребности региональных экономик.

Я на это отвечу, что, безусловно, крупнейшие банки присутствуют в регионах.

Но высочайшая концентрация капитала и проводимых ими операций приводит к тому, что там работают системы «конвейерного обслуживания клиентов», а не система клиентоориентированного обслуживания, которая характерна для местных банков, работающих по формуле «знай своего клиента» – с самым плотным клиентским взаимодействием.

«Конвейер», может быть, и хорош, например, для бензоколонок, потому что там ты не должен знать своего клиента и стремиться индивидуально его обслуживать.

Банк несколько отличается от бензоколонки и от конвейера: здесь требуется уровень доверительных отношений с клиентом.

Посмотрим на охват населения точками банковского обслуживания.

В среднем по России – 1 точка на 5,5 тысячи человек.

Самый высокий охват – в Приволжском федеральном округе: 1 точка на 4,5 тысячи человек.

На Северном Кавказе показатель в 3 раза ниже: 1 точка на 13,5 тысячи человек.

И это отнюдь не за счет цифровизации!

Очевидно, что причина – высокая концентрация банковских активов и значительная неоднородность в инфраструктурных покрытиях.

Да, цифровизация продолжается, но здесь она ни при чем.

Причина – недостаточный уровень обслуживания из-за сокращения региональных банков.

Тем не менее при такой картине мы можем утверждать, что именно региональные банки выглядели и выглядят сейчас наиболее устойчиво, потому что они, как оказалось, более точно умеют оценивать риски.

Региональные банки отвечают критериям, которые АРБ предлагает ввести для института регионально значимых кредитных организаций.

Я подробно сейчас не буду раскрывать этот вопрос, но хотел бы сказать о том, что именно региональные банки отличает от крупнейших.

Во-первых, их отличает опыт выживания в условиях жесточайшей конкуренции, в частности, с крупными игроками, и в условиях отсутствия каких бы то ни было преференций.

Во-вторых, их отличает, в силу ограничений по размеру бизнеса, отсутствие, как правило, валютного риска: нет валютных кредитов и операций с производными инструментами.

Региональные банки в значительно меньшей степени работают на фондовом рынке.

Их портфель ценных бумаг в основном представлен ОФЗ и облигациями голубых фишек (хотя сейчас это тоже стало зоной риска).

В-третьих, высокая скорость принятия решений в небольших банках, в частности, банках регионального значения. А в нестандартных условиях – еще более оперативное реагирование на запросы клиентов.

В силу принципа «знай своего клиента» малые банки плотнее взаимодействуют с рынком.

Поэтому, если мы сейчас сделаем акцент на выравнивание конкурентных условий для всех и откажемся от предоставления преимуществ и мер поддержки только отдельным участникам рынка, то у региональных банков есть все основания и возможности для того, чтобы укрепить свои позиции.

И для того, чтобы решать многие проблемы, будучи ближе к земле, зная проблемы в своих регионах – решать общую проблему выхода из кризиса.

Мы эту позицию на съезде озвучили.

Надеемся, что она будет услышана.

Конечно, я начал с банковского сектора, потому что каждый «кулик» в первую очередь говорит о своем «болоте».

И эти вопросы имеют особую значимость для всей экономики страны!

Но сейчас я перечислю вопросы, которые мы предложили для дискуссии нашим спикерам.

Здесь пять крупных тем.

1. Экономическая ситуация в регионах: какие изменения происходят и произойдут в экономиках регионов России?

2. Вероятные изменения с доходами населения и занятостью.

3. Источники инвестиций в региональные экономики.

4. Что могут сделать региональные органы власти для торможения процессов сжатия своих экономик?

5. Способна ли поддержка малого и среднего бизнеса помочь регионам? Как при этом должно выглядеть банковское кредитование МСП?

У нас сегодня 5 выступающих.

Для основного доклада Наталье Васильевне Зубаревич мы предоставим 20–25 минут, а остальным спикерам – по 10 минут.

На вопросы из зала – по минуте, постарайтесь их кратко формулировать.

И конечно, оставим время всем спикерам для заключительного слова.

Сейчас слово Зубаревич Наталье Васильевне.

Ее все знают: авторитетнейший эксперт, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ, доктор географических наук.

Пожалуйста, Наталья Васильевна, Вам слово.

ДОКЛАД 1

ЗУБАРЕВИЧ Н.В.

д. г. н., проф. кафедры экономической и социальной географии
России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Я постараюсь предельно коротко обозначить основные риски – как отраслевые, по направлениям, так и по регионам – и показать, что сейчас происходит с мерами господдержки.

Какой мы сейчас получили кризис?

Он не такой, как два предыдущих.

Кризис 2015 года – это «упал и очень медленно отжимался». Ушло четыре года, но по доходам населения так и не «отжались».

Кризис «пандемийный» – это «упал, три месяца подумал, а потом за счет эффекта базы вернулся».

2021 год мы закончили очень неплохо, ковидный спад был преодолен.

Текущий кризис, согласно консенсус-прогнозу А.Р. Белоусова и А.Л. Кудрина, это -10%.

А.Л. Кудрин осторожно сказал, что, пожалуй, это самая мягкая оценка, потому что неизвестно, будет ли шестой пакет санкций, а если будет, то какой.

Вы совершенно точно отметили, что хуже было только в первые годы после распада СССР.

Тогда у нас были годы с результатом в -15%.

Этот кризис – я очень важную вещь хочу подчеркнуть – совсем не от слова «отжался».

Мы еще летим, мы еще дна не нащупали.
Поэтому кризис предстоит долгий и тяжелый.

Какие риски?

Я их коллекционирую, что называется. Каждый день всю деловую прессу просматриваю.

Первое – это автопром, уход компаний из России.

Сейчас работают четыре автомобильных завода: УАЗ, ГАЗ, китайский «NAVAL» в Тульской области и маленькое совместное предприятие «Соляриса» и «Мазды» на Дальнем Востоке.

Еще КамАЗ как-то «пыхтит».

У него сейчас уже большие проблемы с комплектующими. Но это про грузовой транспорт.

Второе – количество торговых сетей зашкаливает.

То есть у нас рынок недовольственный очень сильно оголился.

Дальше – «Siemens», энергетика, транспортное машиностроение... Можно продолжать долго.

Санкционные запреты растут один за другим.

На Европу во второй половине года уже будут закрыты поставки угля.

«Закрыли» древесину – тоже с лета будут санкции.

Сейчас под вопросом нефть.

Но дело не только в санкциях.

Да, еще забыла добавить санкции по поставкам транспортного оборудования, нефтегазового оборудования, энергетического оборудования и комплектующих,

лесоперерабатывающей отрасли и целлюлозно-бумажного оборудования.

Санкциями накрыты не только наши традиционные экспортные отрасли, но и наиболее продвинутые – например, производство вагонов и локомотивов, производство некоторых видов энергетического оборудования.

Еще санкции введены для химического машиностроения и оборудования.

Третье – уже не санкции, а снижение спроса.

Российское экспортное сырье плохо покупают.

За исключением цветной металлургии – там все нормально: покупают и продают хорошо, потому что дефицит.

Хотя и там у нас есть некоторая проблема: Австралия ввела санкции на покупку глинозема, бокситов, а это 20% сырья, потребляемого «РУСАЛом».

Не работает и Николаевский глиноземный завод – это еще 10% сырья для «РУСАЛа».

Нефть просто не покупают: танкеры стоят, не разгружаются. Не всю, конечно, нефть. Частично.

Снижение продаж нефти за март, боюсь соврать с точной цифрой, уже около 20%, если не 25%.

Как следствие, мы уже имеем проблемы с нашим производством, если сырье плохо покупают на экспорт.

Совсем беда с продажами мазута.

Мазут входит в цепочку нефтепереработки.

Мы затоварились мазутом по полной, потому что более половины всего произведенного в России мазута шло на экспорт.

А раз так, как мы будем бензин производить?

Это же непрерывное производство, одновременно все разделяется в нефтепереработке.

Отказ логистический: не страхуют грузы, плохо проходят платежи, потому что самые крупные контейнерные компании отказались перевозить грузы в Россию.

А контейнеры двадцатифутовые – это непродовольственные товары, медикаменты, оборудование, гаджеты и далее по списку. Их возят в контейнерах.

Поэтому сейчас у нас логистический хаос!

Невозможно легко преодолеть проблему сжатия контейнерных перевозок.

Альтернатива – китайские контейнерные компании. Они возят на Дальний Восток, а дальше надо по Транссибу.

Но Транссиб и так забит под завязку: 60% перевозных мощностей Транссиба – это российский уголь.

Значит, надо двигать угольщики, которые и так уже не могут возить на Европу, им Европу закрывают.

Но сквозь игольное ушко не пройдешь.

А еще надо добавлять в Транссиб контейнерные поезда, потому что иначе будут исчезать потребительские товары.

Российские власти тоже внесли свой вклад, запретив зачем-то в марте, отчасти как ответные санкции, экспорт части сырья для производства фанеры, наказав тем самым Финляндию.

Также ограничения на экспорт зерна введены давно.

А сейчас ввели ограничения на экспорт подсолнечника и подсолнечного масла.

Что в результате?

Девальвацию вроде отыграли.

Но все понимают, что курс искусственный.

Огромный приток экспортной выручки и на 40% сократившийся импорт.

Поэтому курс искусственный.

Инфляция сейчас, говорят, начала снижаться, но все-таки пока 17%. Будем смотреть.

Обеднение населения абсолютно неизбежно. Сжатие платежеспособного спроса, именно оно сейчас тормозит инфляцию: люди просто меньше покупают.

Мы дождемся довольно скоро снижения предложения товаров.

«Затык» в контейнерных перевозках означает, что бизнесы не пополнят те складские запасы, которые они сейчас распродают.

С логистикой очень большая проблема.

Я уже не говорю про то, что у нас релоцировались айтишники, и не только они.

Про безработицу сейчас скажу, потому что очень много непонятного.

Будет ли стандартный для любого кризиса уход в тень малого бизнеса и, может быть, даже самозанятых, тоже пока непонятно.

Что мы видим в промышленности?

За кем надо смотреть?

За регионами, которые производят больше всего.

Что произойдет, например, в Пензенской области, на общую картину влиять будет слабо.

Мы понимаем, что главное – это российские нефтегазовые и металлургические регионы, а также угольные регионы, то есть главные индустриальные центры.

По ним санкции бьют сильно.

Спад промышленного производства в России точно будет сильнее, чем спад ВВП, – больше 10%.

Напоминаю, что в глобальный кризис 2009 года, который возник совсем по другим причинам, у нас ВВП упал на 7%, а промышленное производство – на 11%.

Примерно и прикидывайте пропорцию.

Какие регионы страдают?

В первую очередь – машиностроительные, потому что очень сильно ударил уход зарубежного автопрома.

Это Калуга, Калининград, Петербург, Самарская область.

Проблема в комплектующих – в их отсутствии.

Как будут поставляться чипы – большой вопрос.

Также под вопросом регионы транспортного, энергетического, нефтегазового машиностроения, потому что высокая доля комплектующих, а сейчас еще и прямой запрет на поставки оборудования.

Еще для примера – нефтехимическая отрасль.

Под санкциями «СИБУР» – наш крупнейший производитель.

Дальше – регионы ТЭК и нефтегазохимии.

С углем уже все понятно.

Что будет делать Кемеровская область – очень большой вопрос, так как четверть экспорта шла в Европу.

На Восток не перенаправишь: летать невозможно, самолетами уголь не возят, а Транссиб забит полностью.

Будет снижение объемов производства, потому что мы крупные, третьи в мире, экспортеры угля, и на Восток все не перенаправишь – логистический «затык».

Снижение производства означает сжатие занятости.

Масштабы будем смотреть, но для этого региона – а это 56% всего производства угля в стране – они будут достаточно значительными.

Сокращение добычи нефти.

Сейчас пришли оценочные данные о том, что уже в первые две недели апреля, если мне память не изменяет, сокращение достигло 6%.

Уже начали консервировать скважины, потому что объем добываемой сейчас нефти для внутреннего рынка излишний.

А на нефтеперерабатывающие заводы больше не поставите: куда девать мазут?

Поэтому нефть и нефтепродукты тоже будут сокращаться в объемах.

Мой прогноз, по разговорам с нефтяниками, что будут закрывать в первую очередь малодобитные старые

скважины, которые вряд ли потом возможно будет откупорить без бурения рядом новых.

Если мы берем НПЗ, то наиболее ориентированными на экспорт мазута были НПЗ европейской части России.

Кто знает географию, смотрите: их немало, от Киришей до Нижегородской области, Пермского края, бывших Башкирских НПЗ и так далее.

По нефтехимии: если так пойдет, у нас «СИБУР» – тоже экспортоориентированная компания, и хорошая компания, модернизированная, но у нее тоже будут проблемы с продажами.

«СИБУР» ищет варианты альтернативных поставок.

Но уже абсолютно понятно, что закрывается проект «Арктик СПГ».

Китайцы сейчас останавливают финансирование Амурского газохимического комплекса, поставили на паузу: там западное оборудование, альтернатив нет.

«Арктик СПГ-2» достроен на 80%, но не укомплектован оборудованием, на него введен запрет.

Поэтому этот проект закрывается, скорее всего.

По черной металлургии – запрет на ввоз в Евро-союз почти всего металла, кроме слябов.

Под санкциями 3-4 собственника, акционера.

Лесная, целлюлозно-бумажная продукция – запрет на ввоз из России и сокращение производства целлюлозы (у нас целлюлоза – продукт на экспорт).

Гораздо легче сибирским заводам: они продают в Китай.

А Карелия, Архангельск и Коми в основном продавали в Европу.

Как они будут разрешать эту ситуацию, не очень понятно.

Частичный запрет на экспорт алмазов – проблема бюджета Республики Саха (Якутия) и двух моногородов.

Что будет с инвестициями?

Очень сильно «грохнулись» вниз кредиты бизнесу.

Вы цифры, наверное, знаете лучше.

И спрос на кредиты снижается, а это значит, снизятся и инвестиции.

Здесь еще одна «фишка» есть.

За 3 последних года доля Москвы в инвестициях выросла последовательно с 15 до 21%, а если считать с Московской областью, это больше четверти всех инвестиций в стране.

Разговоры про то, что нацпроектами или чем-то еще мы поправим инвестиции в регионах, – сейчас это в пользу бедных, потому что четверть – московская, столичная агломерация.

Еще устойчива Тюменская область, главный нефтедобывающий регион: 11–12%.

Складываете и получаете 37%.

По нацпроектам какие-то деньги точно будут выделяться, инвестиционные или бюджетные, но это не меняет картину.

Мне только одно интересно: Москву продолжат так же финансировать или притормозят?

Пока не понимаю.

У московского бюджета денег много.

Что будет с жилищным строительством?

Здесь вопрос: насколько широко введут льготную ипотеку?

Не ту, которая сейчас – под 12%.

Многие не потянут эти 12%, беднеющее население не потянет точно.

А те, кто рассматривает покупку жилья как инвестицию, – здесь надо смотреть.

Если мы берем московскую столичную агломерацию, на нее в прошлом году пришлось 18% всего ввода жилья в стране. На питерскую агломерацию – еще 7,5%.

Складываем и получаем почти 26%.

Каждый четвертый квадратный метр жилья в стране вводится в двух столичных агломерациях.

Здесь концентрируется платежеспособный спрос, здесь хотят купить жилье, а в то же время объемы ввода точно сократятся.

Если подешевеет металл и лес, то, может быть, не сократится индивидуальное жилищное строительство.

А многоэтажки, по прогнозу Минстроя, сократятся с 42 до 37%.

Где пройдет сокращение?

Давайте думать.

В тех местах, где жилье больше всего востребовано и где концентрируется платежеспособный спрос всей страны?

Или в региональных центрах?

На Дальнем Востоке – наверняка.

Потому что на весь Дальний Восток ввод жилья – 3%.

Москва с Московской областью – больше 18%, а весь Дальний Восток – 3%.

То есть там, где строители будут чувствовать, что они не продадут жилье, они проекты свернут.

Пока же мы видим очень понятную политику девелопмента: быстро достраивать то, что в высокой степени готовности, и замораживать проекты на начальной стадии строительства.

Что будет с сектором услуг?

Розница вообще закончила 2021 год очень хорошо, полностью перекрыв спад 2020 года.

Но мы уже видим, что с сентября рост начал замедляться.

У народа больше денег нет.

Сейчас мы понимаем, что из-за инфляции потребление сократится – не потребление еды, но непродовольственная розница сожмется точно.

По кому ударит сильнее?

Москва, Московская область, Санкт-Петербург – это 29% всей легальной розницы в России. Скорее всего, по ним и должно ударить.

Но здесь самый большой платежеспособный спрос.

Мы не понимаем сейчас географию сжатия сервисов, потому что две тенденции работают друг против друга.

Что касается прочих услуг, они еле-еле «отжались». Много разных платных услуг, ситуация разная.

В любом случае здесь сидят ЖКУ и общественный транспорт. От этого мы никуда не денемся.

Все остальное посыплется довольно сильно, потому что первое, что делают люди, когда беднеют, – они сокращают потребление услуг.

Спад ковидный не был перекрыт в 46 регионах.

Значит, скорее всего, в периферийных регионах, где люди беднее, спад в услугах будет сильнее, чем в Москве и Московской области.

Про рынок труда очень коротко.

Чего ждать?

Во-первых, мы уже имеем двукратное сокращение занятости на крупных и средних предприятиях за постсоветский период.

Колоссальное расширение занятости в серой зоне, ИП, самозанятые и так далее – 25 миллионов человек примерно, это очень много.

Где сидят риски?

Первый риск – в обрабатывающих отраслях промышленности. Там всё практически: машиностроение, черная металлургия, производство, переработка леса и так далее.

Анализируем долю занятых в обрабатывающих отраслях. Центр, часть Северо-Запада, почти вся Волга и металлургический Урал – здесь будут концентрироваться проблемы сжатия производства.

Будет ли это связано с сокращением занятости?

Не уверена.

Потому что наверняка посадят, как у нас водится, на тариф, на частичную оплату труда, неполную занятость.

Крупные предприятия можно заставить это делать, это будет сделано обязательно.

Второй риск – торговля, авторемонт, гостиницы, общепит.

Понятно, что все это будет сжиматься, за исключением продовольственной торговли.

Вопрос: где это концентрируется?

В трети регионов.

Доля занятых в этих услугах превышает 20%, достигает даже 27%. Вот здесь и будет, в крупногородских регионах прежде всего, там, где концентрируются услуги.

И частично – еще несколько полудепрессивных регионов, где промышленности очень немного и народ как-то суетится в секторе услуг; хоть какая-то работа для среднего и малого бизнеса.

Что будет с занятостью?

Вот картинка, как мы «летели» в ковидный 2020 год: не сильно, локдауны были, а безработица, по методологии Международной организации труда, опросная, выросла очень несущественно.

Самый большой уровень безработицы в России был в конце 90-х – до 11%.

В 2009 году: по году – 8% с небольшим.

На пике кризиса в феврале было 9%.

Сейчас прогнозы дают 7,5–8%.

Я, скорее, с ними пока соглашусь, потому что режим неполной занятости будет включен на максимум.

Что будет с зарегистрированной безработицей?

Почти не сомневаюсь, что, когда станет уже сурово, власти включат опробованный механизм резкого расширения входа зарегистрированной безработицы, как это было в ковидный год, когда она выросла в пять с лишним раз.

Облегчили регистрацию, увеличили масштаб пособия до прожиточного минимума, еще по 3 тысячи рублей давали на ребенка.

Поэтому народ побежал.

Я вижу, что это будет, потому что даже в первом пакете мер, предложенных Правительством, нарисованы ровно те же цифры – 94 миллиарда рублей дополнительно на поддержку занятости, – какие потратили в реальности в 2020 году.

Только у меня возникает детский вопрос.

Тогда максимум этой программы действовал 4 месяца.

Вы уверены, что сейчас потребуется только на 4 месяца?

У меня, по ощущениям, совсем другое представление, что это уж точно потребуется до конца 2022 года.

Теперь про доходы населения.

Что сделано правильно?

В первом же пакете мер – это вклад в неравенство нагрузкой детьми.

То есть наличие детей очень сильно ведет к бедности.

Поэтому мера поддержки семей с детьми от 7 до 16 лет, малоимущих семей ежемесячным пособием – это абсолютно правильная мера.

На нее выделено, по памяти, около 300 миллиардов рублей.

Вопрос: хватит ли? Непонятно, потому что мы не знаем, какая будет просадка по доходам.

Что у нас происходило с доходами населения?

Во-первых, мы помним, что с 2013 по 2019 год у нас реальные доходы упали уже на 6,5% после всех корректировок Росстата (он всегда в мягкую сторону корректирует), еще на 2% – в 2020-м.

И мы оказались по доходам на уровне 2012 года.

В 2021 году вышли на 3% с небольшим (на 3,4%, по-моему).

Но как вышли?

Москва +8,5%,

Питер +8,5%,

Московская область +7%,

Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа +1% или меньше.

Выскочили из ковидного спада доходов прежде всего крупнейшие города страны.

Потому что они не только самые богатые по доходу, но с более модернизированной структурой потребления.

Пока оценки – это тыкание пальцем в небо, потому что мы не знаем масштабов программ поддержки населения, которые заявит Правительство.

По уровню бедности, очень коротко.

Нам его «нарисуют», это мы уже прекрасно понимаем.

В ковид ничего не росло, после ковида все было замечательно.

Я покажу реальное население в доковидном 2019 году – суммарно бедное население с доходами ниже

прожиточного минимума и те, у кого доходы чуть выше прожиточного минимума, от минимума до полутора.

Любое ухудшение на рынке труда элементарно выбрасывает этих людей вниз.

Поэтому риски реальной бедности, конечно, высокие.

Два слова про бюджет.

Что будет с федеральным бюджетом, все уже хорошо понимают.

В рублях все будет хорошо, потому что сейчас курс немножко улучшат, для того чтобы долларов, евро было побольше, ослабят рубль.

Один пример: если взять все доходы федерального бюджета в хороший, жирный нефтяной 2014 год, 27% всех доходов федерального бюджета от налогов обеспечивал Ханты-Мансийский автономный округ.

Вот плохой год: сделка ОПЕК+, нефть подешевела, -18%.

Это означает, что зависимость федерального бюджета от нефтяной ренты гигантская.

Добавьте еще сюда, пожалуйста, 9% Ямала, и все станет понятно.

Можем ли мы сделать маневр ресурсами, дать их регионам, оставить им больше налогов, чтобы они сами могли?

Что регионы могут?

Ничего.

Потому что у них нет ресурсов.

Если мы посмотрим, как распределяются налоги между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов, то увидим, что от 3/4 регионов в федеральный бюджет идет немного.

В основном деньги дают нефтегазодобывающие регионы.

Если там будет большая просадка, полетит налог на прибыль, то это проблемы федерального бюджета прежде всего.

А в остальных регионах ничего перераспределять уже не получится в налоговом смысле.

Им придется только помогать.

Чем мы закончили 2021 год по бюджету?

Мы его прекрасно закончили, это правда, динамика хорошая.

Лучше всего регионы металлургии, минеральных удобрений, руды и так далее. У них все было хорошо.

Посмотрите на динамику налога на прибыль: рост в два раза, в три раза, у кого-то в три с половиной раза. Шикарно.

Запас у некоторых регионов есть.

Надолго ли его хватит?

Давайте смотреть. Вот доля налога на прибыль во всех доходах консолидированных бюджетов регионов в 2021 году: у кого значения высокие, у того и посыплется.

Здесь, конечно, заоблачно «улетели» металлурги.

Они просядут сейчас по полной программе.

Неплохо у регионов по нефтянке, по газу прежде всего, – они тоже просядут.

Поэтому смотрите на презентацию: где торчат пики – это все наше экспортное.

Поможет ли федеральный бюджет?

Таки да. И поможет капитально.

Объявлено, что на все формы поддержки антикризисной программы будет выделено от 7 до 9 триллионов рублей.

Сейчас вся экспортная выручка идет в бюджет, она будет тратиться.

Мы видели, как помогли в 2020-м: рост трансфертов на 54%.

Их немного сократили в 2021 году, но легко добавят в 2022 году.

Будут ли какие-то особые регионы, с преимуществами?

Орлы наши геополитические – их не обидят, конечно.

Но посмотрите на долю Дальнего Востока.

Все песни про то, что мы поддерживаем, а доля сократилась в ковидные годы.

У нас намертво, как скалы, стоят только республики Северного Кавказа.

Их не обидят, это точно.

Что будет с зависимостью региональных бюджетов от федеральных трансфертов?

Она опять вырастет.

В 2020-й ковидный год она выросла по отношению к предыдущим двум годам.

В последующий год она опустилась не так уж сильно.

То есть регионы будут еще более зависимы от трансфертов из федерального бюджета.

Кто сам может помочь бизнесу?

Это старый расчет, но он полезен.

Сам может помочь бизнесу один субъект – город Москва.

А все остальные?

Они что, «Газпрому» будут помогать? Смешно.

Поэтому реально может помочь относительно не-крупному бизнесу только Москва.

У Сахалина, там просто особо помогать некому.

У всех остальных средств – подушевые расходы бюджета с корректировкой на индекс бюджетных расходов – просто нет.

Как закончили финансовый год?

Хорошо. Только 19 регионов с дефицитом.

Это очень хорошая история, потому что годом раньше было 57, а в прежние годы и до 77 доходило.

Что надо решать с бюджетами сейчас?

Власти уже это сделали.

То же – с предпоследним пакетом антикризисных мер.

Они сейчас будут активным образом замещать кредиты банков бюджетными кредитами.

Банкиры, не заработаете.

На это выделено примерно 270 миллиардов рублей.

Все кредиты банков – 257 миллиардов рублей, но еще довольно много муниципалитетам – 219 миллиардов рублей.

Как уж там заместят по муниципалитетам – не знаю.

Но кредиты банков «снесут» под бюджетные кредиты, потому что та ставка, которая сейчас есть, неподъемная для региона.

Деньги на это выделены.

Вот мое представление – суровое.

Пока это оценка начала апреля. Ее надо обновлять регулярно.

Сжатие промпроизводства, рост скрытой безработицы (та самая неполная занятость), массовые увольнения, в основном в МСП, снижение налоговых доходов.

Что власть делает?

Дежурный набор мер, который уже ясен.

Меры знакомые и понятные.

Дальше я не знаю.

Скажу, что появились новые меры, например, помощь в приобретении критического импорта: власти будут давать субсидии на покупку валюты, если вы нашли альтернативу критическому импорту.

Посмотрим, как это будет работать.

Мне хотелось это показать, потому что мне присылали вопросы какие-то, я их прочитала и заплакала.

Уважаемые коллеги, вы хоть картину маслом понимаете?

Я попыталась вам ее объяснить.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Наталья Васильевна, за содержательное и системное изложение огромного материала в полчаса.

Это, конечно, мастерство величайшее.

Вы не первый раз у нас на «Открытой дискуссии», и также были на Научно-консультативном совете Отделения общественных наук РАН.

Всегда рады Вас видеть.

Коллеги, вот такая картина – системно, грамотно и структурированно изложенная.

Мы позже ее обсудим.

Но, конечно, сразу хочется прокомментировать те пики, которые показывала на графике бюджетов Наталья Васильевна.

Они примерно так же выглядят и у нас – в банковской системе.

Но сейчас не буду давать развернутый комментарий.

Я попрошу выступить следующего докладчика, Юрия Валентиновича Пономарева, заместителя председателя совета директоров «Энерготрансбанка» из Калининграда.

В свое время он возглавлял «Внешторгбанк».

Специалист высочайшего уровня в банковском деле.

Юрий Валентинович, Вам слово.

ДОКЛАД 2

ПОНОМАРЕВ Ю.В.

заместитель председателя Совета директоров
КБ «Энерготрансбанк» АО (г. Калининград)

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги!

Я представляю Калининград.

Есть особые места в бывшем Советском Союзе: Одесса, Калининград, Москва и многие другие.

Калининград – явно особый город, у моря.

Он зажат между Литвой и Польшей – это наш эксклав, в этом его географическая особенность.

Долгие десятилетия особенностью Калининграда была традиционная трансграничная мобильность населения: расстояние от города до погранпункта с Польшей по хорошей дороге составляет 39 километров.

Многие жители Калининграда привычно на субботу или воскресенье выезжали либо в Польшу, либо в Литву для закупки продовольственных и других товаров.

А поляки приезжали к нам, например, за бензином, за спиртными напитками и другими товарами.

Когда я 8 лет назад приехал открывать новый офис банка в Советске (это старый Тильзит, где в 1807 году Наполеон и Александр I заключили Тильзитский мир, закрепивший раздел Европы между Францией и Россией), у нас по ходу мероприятия возникла необходимость купить пару бутылок хорошего вина.

Водитель сходил пешком через мост в Литву, купил вино и через 15 минут уже вернулся.

Поход в Литву за чем угодно был совершенно обычным делом.

Такое положение Калининграда создает в сложившихся условиях и трудности – как психологические для населения, так, в основном, и чисто экономические.

Наталья Васильевна сказала, что Калининградская область является регионом автопрома.

Да, различные компании «АВТОТОРа» производили около 50% всей товарной продукции Калининградской области до 2022 года.

По объемам продаж готовой продукции эта группа являлась до настоящего кризиса самой крупной частной машиностроительной компанией России.

Но не только автопром развит в Калининграде, хотя 50% местных налогов получают в результате деятельности «АВТОТОРа».

У нас туризм очень развит, был и строительный бум, вызванный тем, что Калининградская область является одной из наиболее миграционных территорий России.

«АВТОТОР» уже остановил свои основные производства, хотя есть реальные планы по переключению производства на другие группы автомобилей, на других поставщиков.

Это интересные планы.

Однако статус-кво такой, что старые поставщики, например, BMW, полностью прекратили поставки комплектующих.

Транспортная проблема для Калининграда, конечно, является ключевой.

Около тысячи вагонов, следующих в Калининград с основной территории России, были задержаны в Литве. Так и остаются они там, в том числе цистерны с нефтяными грузами.

Паромная переправа «Усть-Луга – Балтийск» достигла максимума своей производственной емкости.

Транспортные операторы сообщили Минтрансу, что требуется как минимум четыре скоростных грузопассажирских паромов типа «roll-on / roll-off».

Мы сами, честно говоря, изучали целесообразность покупки грузопассажирского парома стоимостью порядка 500 миллионов рублей.

Проблема такой покупки состоит в том, что если границы вдруг откроют для перевозки российских грузов после прекращения специальной операции, проводимой в соседней стране, то мы останемся с большим количеством металлолома.

А так, конечно же, можно было бы купить паром и с прибылью использовать для людей, для территории, для производств.

Мы в постоянном контакте с акционерами и владельцами кредитуемых нами компаний.

Получаемая информация весьма грустная, откуда ни возьми.

Производство творога, например: невозможно сейчас упаковать этот творог.

Молока достаточно, но надо его упаковать, а бумага привозилась из Литвы и Польши.

Теперь никто не привозит эту бумагу.

Российским транспортным предприятиям запрещен выезд, а польские и литовские сами отказываются, без всяких санкций, ввозить что-либо в Россию.

Мебель – то же самое.

Большинство комплектующих для мебели – импортные.

Можно наладить, конечно, доставку из других стран через Евразийский континент. Но это долго, и опять же будет дорого.

Куда ни ткнешь пальцем – всюду такие же трудности.

В Калининграде всегда был развит валютно-обменный рынок.

Наш банк длительное время был лидером по объему операций и по доходам.

Мы по-прежнему являемся лидерами, несмотря на ограничения Банка России по продажам и трудности с продажей купленных ранее валют физлицам.

Но появилась новая проблема.

Сейчас возникает значительный разрыв между биржевым курсом иностранных валют и банкнотным курсом, котируемым по сделкам с банкнотами.

Соответственно, вокруг офисов банка стали концентрироваться нелегальные менялы, атакующие наших посетителей своими предложениями.

Разница достигает 5–7%, иногда 10% от биржевого курса, банкноты дороже.

Часть скупаемой валюты вывозят в Москву, где дефицит наличной валюты ощущается сильнее.

Это не то, что было во времена Советского Союза, когда неофициальные курсы были в 5–10 раз выше официальных, потому что по официальному курсу купить валюту было невозможно.

Но все равно эта тенденция очень тревожная.

Сейчас мы начали готовить измененный бизнес-план на текущий год и новую редакцию трехлетней стратегии развития банка на 2022–2024 годы.

Об этом и Центральный банк нам вежливо напоминает: когда мы представим им новую редакцию стратегии бизнес-плана?

Да мы и сами, без Центрального банка, делали бы это.

Обычно все начинают со SWOT-анализа и другого подобного анализа.

Однако сегодня, в условиях значительной неопределенности развития и ведения бизнеса как самим банком, так и клиентами банка, этот анализ делать трудно.

Понятно, что улучшения экономической среды в текущем году ожидать не приходится.

Даже при лучшем из прогнозируемых сценариев следует исходить из продолжения действия уже введенных к настоящему времени санкций и последствий этих санкций как для промышленности, сельского хозяйства, так и для туристической сферы.

В текущем году ситуация еще терпимая.

Но что будет в следующем году или через три года – прогнозировать трудно.

У нас очень крепкий баланс, мы переживем.

Текущий год мы все равно с прибылью закончим.

Банки используют разные послабления Центрального банка. Вы все знаете содержание этих послаблений.

Можно не переоценивать стоимость залогов; можно не ухудшать оценку финансового положения заемщиков для целей формирования резервов на возможные потери, если финансовое ухудшение произошло после 18 февраля; можно не ухудшать оценку по реструктурированным суммам.

Надо сказать, что все эти послабления, конечно, позволяют банкам показывать более-менее приличные балансы.

У нас, в принципе, очень хороший баланс.

Но это все искусственно.

Все эти послабления – заматывание проблемы под ковер.

На кону стоит жизнеспособность как отдельных банков, так и всей современной банковской системы России в целом.

Если реальные потери банков – отражаются ли они или не отражаются с благословения Центрального банка в отчетности – превысят размер их собственных средств, то как ни «рисуй» финансовую отчетность и выполнение нормативов, в случае ликвидации банков их вкладчики и кредиторы не получат возмещения своих требований.

На многие проблемы вообще не обращается внимание, потому что решение их, очевидно, невозможно найти сразу.

В портфелях банков очень много валютных облигаций крупных российских компаний, выпущенных за границей. Заблокированы облигации Euroclear, JPMorgan.

И сумму выплаченных купонов тоже банки не получили.

Еще проблема: что делать, как отражать это, как МСФО-9 выполнять?

Мы спросили у Центрального банка – ответа нет.

Другая проблема: деньги подсанкционных банков и клиентов по брокерским операциям заблокированы за границей.

Когда они вернутся и вернутся ли вообще, никто не знает.

Как отражать соответствующие потери на балансах, тоже никто не знает.

Немецкий дочерний банк «ВТБ», VTB Bank Europe SE, имеет корсчета в 125 российских банках.

Он объявил, что ВаFin, местный контролирующий орган, запретил выплачивать со счетов всех российских банков.

Фактически эти деньги заблокированы.

Я посетил этот банк во Франкфурте на прошлой неделе: у них там идет внутренняя реорганизация, и разговаривать было просто не с кем.

Главный управляющий, представитель и сотрудник ВаFin прибыли туда только в этот понедельник.

В конце 80-х годов прошлого столетия я, как самый молодой член правления Госбанка СССР на Неглинной, 12, получил задание по курированию подготовки мобилизационного плана Госбанка.

Все более возрастные зампреды и другие члены правления от этого отказались.

Наиболее пессимистичный сценарий, который мы не можем игнорировать, он может случиться.

Это сценарий, состоящий в блокаде Калининградской области соседними Польшей и Литвой.

Этот сценарий приводит меня к мысли о необходимости для нашего банка, единственного регионального банка в Калининграде, параллельно с разработкой более или менее оптимистичного трехлетнего плана развития также разрабатывать планы включения банка в мобилизационный план Банка России.

Потому что без мобилизационных методов управления экономикой и социальной обстановкой обойтись, в случае блокады области, будет уже невозможно.

Спасибо.

| **ТОСУНЯН Г.А.**
| акад. РАН

Спасибо, Юрий Валентинович, за то, что обрисовали картину особого региона нашей страны, находящегося в довольно сложной ситуации из-за своего территориального положения.

Давайте пойдем дальше.

Я уже вижу вопросы в Zoom, но прежде мы дадим выступить всем спикерам, а потом будут вопросы и комментарии.

Сейчас я попрошу взять слово Максимова Андрея Александровича, финансового директора КамАЗа.

ДОКЛАД 3

МАКСИМОВ А.А.

финансовый директор ПАО «КамАЗ»

Добрый день, уважаемые коллеги!

Доклад Натальи Васильевны Зубаревич был очень интересным и содержательным, хотя по многим вопросам у меня есть сомнения и собственные суждения.

Дело в том, что Наталья Васильевна, когда говорила об автопроме, назвала компании, которые оказывают наименьшее влияние на эту отрасль в России.

Она не упомянула такие крупные компании, как «КамАЗ», «Урал», «МАЗ», которые, по сути, одни из основных игроков на рынке грузового автотранспорта.

Например, доля КамАЗа составляла более 50% в лучшие годы.

Сейчас эта доля, наверное, будет только расти.

Что касается остальных компаний, то да, это предприятия, которые собирали автомобили из комплектующих и не инвестировали в локализацию, кроме, наверное, ульяновского «Соллерса», который, на мой взгляд, инвестировал некие средства в свое предприятие.

В частности, мы видим это на примере автомобиля «УАЗ», который за последние 20–30 лет принципиально не изменился, чего не скажешь о «КамАЗе», «Урале», «МАЗе», «ГАЗе».

Конечно, есть проблема с комплектующими.

КамАЗ, как и все остальные автопроизводители, интегрирован в мировой автопром.

После кризиса 2008 года мы создали совместные предприятия со всеми мировыми лидерами производства комплектующих.

Мы всегда работали над тем, чтобы увеличить уровень локализации на территории нашей челнинской площадки, и достигли в этом несомненных успехов.

Когда есть оборудование, есть люди, которые у нас работают, есть технологии, то остальные вопросы – это уже дело времени и техники.

Поэтому я без преувеличения скажу, что КамАЗ производил до недавних пор один из самых современных в мире автомобилей в своем классе, а по некоторым параметрам даже превосходил зарубежные аналоги.

И однозначно, основными нашими конкурентами стала большая семерка европейских производителей.

Следует признаться, что сейчас мы испытываем определенные трудности.

После кризиса 2008 года мы разбирались с его последствиями больше года, очень серьезно поработали над системой управления рисками.

Поэтому все последующие кризисы, 2014 года и ковидный, мы прошли относительно неплохо, даже, можно сказать, замечательно.

Мы в полной мере использовали те возможности, которые эти кризисы нам предоставили, – оба раза мы выходили в кризис с новыми продуктами.

С одной стороны, это, наверное, не самый лучший период, а с другой, когда на рынке уменьшается количество игроков, я думаю, это можно расценивать как некое конкурентное преимущество.

Грех этим преимуществом не воспользоваться, что мы всегда и делали.

Поэтому наша доля, например, магистральных тягачей, в которых мы не были представлены до недавних пор на рынке Российской Федерации, сейчас занимает уже порядка 30%, и дальше она будет только расти.

Несмотря на то что есть определенные трудности, мы ставим задачу в кратчайшие сроки локализовать комплектующие, которые мы привозили в основном из Европы.

Вторая задача – восстановить производство автомобилей пятого поколения.

Сегодня у нас есть достаточно четкий план, понимание объемов инвестиций, которые необходимы.

Этот процесс шел последние несколько лет, начиная с 2014 года, когда КамАЗ занимался тем, что вкладывал в производство нового автомобиля, осуществлял программу реинжиниринга завода.

Основные планы мы выполнили: автомобиль поставлен на конвейер, двигатель запущен, работает один из самых современных в мире заводов, который полностью роботизирован, – это завод по производству каркасов кабин.

Вопрос численности персонала – это серьезный фактор в нашем регионе.

Кроме своей основной деятельности в должности финансового директора компании я являюсь также депутатом местного городского совета.

Отмечу, что на одну вакансию в нашем регионе приходится 0,15 человека в качестве потенциального работника.

Это проблема серьезная, мы ее решаем, в том числе с помощью автоматизации.

Например, на роботизированном заводе каркасов кабин, о котором я упомянул, работают 87 человек. На аналогичном традиционном производстве работали порядка 1000 человек.

В этом направлении мы продолжаем развиваться, есть определенная программа, которая позволяет достаточно уверенно смотреть в будущее.

Надо отдать должное нашему Правительству, которое в ковидный кризис оперативно принимало решения.

Особенно те решения, что касаются банков и субсидирования предприятий.

В частности, я говорю о федеральных законах 71-ФЗ и 393-ФЗ: они позволят нам существенно снизить долговую нагрузку.

Поясню также, что ситуация для КамАЗа осложняется тем, что наша долговая нагрузка серьезно связана с инвестиционной программой.

Мы достаточно много вложили в реинжиниринг.

Но понимание у Правительства есть, и то, что меры были приняты и часть кредитов была привязана к ключевой ставке, позволяет нам делать довольно оптимистичские прогнозы до конца года.

Развивая вопрос о банках: сейчас банки – это наше связующее звено со странами, которые нас, Россию, поддерживают и готовы с нами работать, и с местными производителями, которые находятся на нашей территории.

Без банков, безусловно, нам будет сложно.

Если банки платежи поддержат, оставят и продолжат, то ситуация будет не такой сложной, как можно предположить.

В заключение замечу, что все мы привыкли к относительно неплохой жизни.

Когда вы говорите, что уровень потребления в Москве и Санкт-Петербурге выше, чем в регионах, то там, соответственно, и совершенно разные объемы и качество услуг.

Можно предположить, что объемы самых дорогих услуг уменьшатся, но не факт, что в первую очередь.

Потому что в предыдущий кризис, к примеру, продажи легковых автомобилей премиум-сегмента, наоборот, выросли.

Думаю, что некий сегмент товаров и услуг «выше среднего», скорее, уменьшится.

Но если покупали хлеб, молоко, колбасу и все остальное, то это все останется на прежнем уровне.

Обнадёживает то, что сельское хозяйство тоже, в принципе, у нас на подъеме.

Если мы зерном кормили всю Европу, и не только Европу, но и Африку, как выяснилось недавно, и всех остальных...

Пока, я так думаю, уровень среднего и минимального сегмента останется близким к прежнему уровню.

Я высказываю в данном случае свое мнение.

Итак, для КамАЗа это не первый кризис, и я закончу, наверное, шуткой.

В 2015 году мы встречались с одним товарищем, банкиром, который предложил тост за то, чтобы этот кризис был для нас не последним: не последний – значит, мы пережили предыдущий!

Переживем, значит, и следующий!

Так и получилось, он как в воду глядел: 2015-й пережили; ковидный, слава Богу, пережили.

Возможно, этот кризис будет сложнее.

Поживем – увидим.

Ситуация еще не стабилизировалась.

А когда она стабилизируется – сейчас сложно предсказать и спрогнозировать.

Однако я верю в созидательный дух нашей страны!

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо.

Каждый имеет право на свое мнение – это то, на чем основан наш формат «Открытой дискуссии».

Мы считаем, что в этом наше преимущество.

Каждый может высказать мнение, поэтому Ваше мнение для нас очень ценное.

Андрей Александрович, хочу все-таки отметить, что КамАЗ – это исключительная компания, в том числе благодаря своим руководителям.

Но она больше исключение – не только в автопроме, но и в целом в нашей промышленности.

Хорошо, что Вы показали нам свои достижения.

Надо отметить, что ими могут похвастаться далеко не все.

Вы смогли добиться серьезных результатов и действительно входите в мировой автопром на очень серьезном уровне.

Это можно сказать далеко не обо всех наших предприятиях.

Давайте мы пойдем дальше.

Следующим выступит академик РАН Нигматулин Роберт Искандрович, научный руководитель Института океанологии РАН, а в прошлом – президент Академии наук Республики Башкортостан.

ДОКЛАД 4

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН, д. ф. - м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

Уважаемые коллеги!

Я с большим интересом послушал доклады, особенно в части оптимизма и пессимизма, и согласен с мнением профессора Зубаревич.

Хотел бы напомнить о наших великих людях и ученых, которые попадали в кризисные ситуации.

Например, об академике Иване Павлове, нашем первом нобелевском лауреате.

Он тоже попал в тяжелые ситуации, он писал письма правительству, о которых, кстати, мало кто знает.

Он писал, что у ученого и у всех нас должна быть одна потребность, одна обязанность и достоинство – смотреть на самих себя, на окружающих (и я бы сказал, еще и на наше правительство) без самообмана.

По поводу оптимизма и пессимизма.

Мы все-таки должны осознавать, что против нас вся Европа, Северная Америка и Япония – это 1 миллиард человек, не только правительства стран, а именно вся общественность.

Это те люди, которые являются создателями новых технологий, большинством из которых мы пользуемся.

Все это ставит под вопрос устойчивость нашей страны в свете того, о чем говорила профессор Зубаревич.

Что касается экспорта, то угроза его сокращения станет реальной и серьезной через несколько лет.

В ближайший год экспортная выручка сохранится, что поддержит курс рубля, хотя он искусственный.

Главная проблема сейчас – это, конечно, импорт комплектующих.

Возникает угроза безработицы из-за того, что нам будет нечего собирать.

Глубина провала такая, что мы даже болты импортируем.

У нас нет станков.

Если кто-то говорит, что мы станки сами производим, то на самом деле мы их собираем из импортных комплектующих, «отверточными» технологиями.

Это, конечно, очень серьезные проблемы.

И первое здесь – это неэффективность нашего социально-экономического блока Правительства и руководителей предприятий.

Нет специалистов, нет инженеров.

Это приводит к тому, что у нас отдача (инвестиции в основной капитал) на 1 рубль составляет 2,6 рубля, а в Северной Америке и Европе – 4–5 рублей.

Специалистов надо собирать по крупицам, готовить инженеров, квалифицированных рабочих.

А это значит, что нужно поднять зарплату преподавателям университетов, ведь более 30 лет у нас деградировало инженерное образование.

Минобрнауки абсолютно не готово развивать программу восстановления высшего образования.

Обратите внимание, кто раньше возглавлял Минвуз и Госкомитет по науке? Это академики Елютин, Образцов, Шемякин, Кириллин, Марчук, Лавров.

Просто слезы текут, если сравнивать с нынешними управленцами в этой сфере нашей деятельности.

У нас наука, образование, здравоохранение и культура, если оценивать в долях ВВП за последние 30 лет, в 2 раза меньше стали.

В развитых странах 20%, а у нас около 9%.

И это привело к тому, что мы находимся в иллюзии того, что преодолели ковид.

У нас показатели погибших в 2–3 раза выше на 1 тысячу населения.

У нас за 2 года убыль населения – 1,75 миллиона человек.

И главное, даже если мы преодолеем в этом году последствия ковида, то выходим на показатель 0,6 миллиона в год по убыли населения.

Поэтому, конечно, перед наукой стоят серьезные задачи.

Например, оценка сырьевой базы, как заменить импортные комплектующие, как поступать с предприятиями с офшорной юрисдикцией, как обеспечить финансирование госбюджета, как организовать индикативное стратегическое планирование со стороны Правительства?

Конечно, должны быть льготы какие-то предоставлены для тех, кто выполняет обязательства.

Нужно освобождать предприятия от «террора» надзорных органов и, конечно, нужно обеспечить повышение роли частного бизнеса.

Первое, что я хотел бы сказать по поводу поддержки нашего бизнеса, лежит, по-моему, на поверхности.

Это баланс издержек и цен.

Надо срочно снизить цены на бензин, мазут, газ, электричество – на отечественное сырье.

Мы должны понимать, что у нас по паритету покупательной способности, по отношению к остальным товарам народного потребления, бензин стоит в 2 раза дороже, чем в США: в цене бензина 60% – это акцизы, налоги и так далее; а в США это всего 15%.

Потерю «госбборов» на удешевление нужно переложить на экспорт, потому что у нас на экспорт идет нефтепродуктов и нефти в 3 раза больше, чем на внутреннее потребление.

Мы потребляем всего 25% своей нефти, остальное вывозим в виде нефти и нефтепродуктов.

Поэтому это обязательно нужно сделать.

Это будут инвестиции и в транспорт авиационный, и в автомобильный и так далее.

Это облегчит ситуацию и поможет тем, кто работает в этой сфере.

Обязательно нужно реорганизовывать основные производства и отраслевые министерства.

Там сейчас нет инженеров – там одни менеджеры.

Нужно возродить отраслевые научные и проектные институты.

Без решения этих проблем – просто рассуждениями – мы ничего не преодолеем.

Нужно срочно отменить федеральный закон о закупках, который мучает предприятия и создает препятствия для создания долгосрочного сотрудничества между компаниями.

Нужно целевое кредитование – то, о чем говорит академик Глазьев уже многие годы.

Налоговая система должна быть усовершенствована: должны быть заморожены налоги не только малому

бизнесу и IT, но и среднему бизнесу, потому что мы должны будем опираться на него в большей степени.

Нужно снизить НДС для предприятий, занимающихся проектированием всех комплектующих, которые нам предстоит делать самим.

Необходимо отменить налоги для тех наших трудящихся, кто получает меньше 20 тысяч рублей в месяц, и переложить их на тех, кто получает больше 500 тысяч рублей в месяц.

Это нужно обязательно сделать, иначе встанет во весь рост проблема устойчивости нашей страны.

Пересмотр налоговой системы, перенос налогов с труда и бизнеса на большие доходы и богатую собственность – постепенно, но это нужно делать.

Нужно также создавать льготный налоговый режим для тех, кто делает инвестиции.

Особое внимание необходимо уделять молодежи, обеспечивать ее работой, выплачивать хорошие стипендии студентам, чтобы они занимались тем, чем они должны заниматься, особенно это касается стипендии аспирантов.

Всегда проблемы устойчивости страны инициируются демонстрациями молодежи, когда она бросит заниматься тем, чем должна, и выйдет на улицы.

Это очень серьезная проблема, на нее обязательно нужно обратить внимание.

Конечно, все финансовые вливания, о которых мы говорили, «в народ» так называемые, приводящие к росту покупательной способности, должны быть сбалансированы увеличением массы товаров народного потребления, в том числе импортом товаров.

Я даже не говорю про товары из Европы и США.

Речь о товарах из Китая, стран СНГ, Турции, Ирана и других стран.

Иначе все «вливания в народ» уйдут в инфляцию.

Я помню, как говорил академик Николай Петрович Шмелев, входивший в команду Горбачева.

Когда он почувствовал, что начали пустеть полки магазинов, он Горбачеву сказал, что срочно нужно использовать все золотовалютные резервы для того, чтобы заполнить магазины товарами народного потребления, сбить волну возмущения.

Но Горбачев не послушался.

Потом Горбачев уже признавал свою ошибку, как рассказывал Шмелев, – это была серьезная ошибка.

Я завершаю свое выступление и хочу сказать, что не надо себя успокаивать оптимистическими достижениями, которые были в прошлом.

Мы попали в совершенно другую ситуацию.

Прошрое нам сейчас не поможет.

К этому нужно именно таким серьезным образом подходить.

Проблема устойчивости страны и устойчивости власти через полгода-год будет очень острой.

Спасибо!

Тосунян Г.А.: Спасибо, Роберт Искандрович.
Слово Бурцеву Сергею Михайловичу.

ДОКЛАД 5

БУРЦЕВ С.М.

председатель правления ПАО «Челябинвестбанк»

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я хочу попытаться ответить на вопрос: что могут сделать региональные власти в сфере расширения источников инвестиций в региональные экономики?

На текущий момент можно сказать, что региональные власти хорошо понимают проблему и текущую ситуацию.

В течение последних лет в каждом регионе создавались всевозможные фонды развития промышленности, центры «Мой бизнес», фонды поддержки малого предпринимательства.

Но суммы, которые идут из федерального бюджета, относительно небольшие.

Иногда складывается ощущение, что эти фонды существуют только для того, чтобы они были.

Губернаторы и их заместители понимают, что нужно максимально способствовать притоку денег из федерального центра.

Поэтому, если выделяются дополнительно 100–200 миллионов рублей, они любыми способами пытаются их освоить.

Если не успевают освоить, то в декабре пытаются быстро найти любые предприятия, чтобы деньги не пропали на следующий год.

Очень сильно заметно, насколько непросто регионам выживать в текущих условиях, чтобы хотя бы те крохи, которые выделяются из федерального бюджета, использовать, растворить в региональной экономике и

улучшить ситуацию хотя бы у отдельных, считанных предприятий.

Что мы видим в последнее время?

Видим, что региональные власти очень сильно заинтересованы в максимальном использовании всевозможных государственных программ по кредитованию.

Это, конечно же, кредитование сельхозпроизводителей.

Несмотря на то что Челябинская область является зоной рискованного земледелия, программа позволяет иногда субсидировать 100% ключевой ставки – это большой плюс.

По крайней мере, есть возможность не сорвать посевную. Есть шансы, что урожай осенью будет собран.

Второй момент – это кредитование предприятий малого и среднего бизнеса по постановлению № 1764 и программам с Корпорацией МСП.

Здесь мы тоже понимаем, что желательно максимально использовать эти государственные субсидии, подключать максимальное количество банков, федеральных и региональных, чтобы была возможность получить максимум средств.

Дальше – кредитование системообразующих предприятий.

В Челябинской области их насчитывается больше 20, даже 35–40, смотря кого включать.

Они могут кредитоваться до 30 миллионов рублей по ставке 11% годовых.

Но на практике получается, что не каждое крупное системообразующее предприятие готово брать кредиты,

потому что все понимают, что эти кредиты придется возвращать.

Поэтому многие сейчас дожидаются выручки и гасят долги, но дальше не готовы брать новые заказы и новые кредиты по этим программам.

Поддержка строительной отрасли в основном происходит за счет ипотечных программ.

Возможно, будет какая-то поддержка конкретных строительных предприятий, но пока ждем.

Частично кредитование идет за счет средств Банка России.

На всю страну выделено более 400 миллиардов рублей.

Но, по сути, на один регион максимум – а что можно ожидать? – это 1 миллиард рублей, не такие большие деньги.

Говорить, что это сделает какую-то погоду, не приходится.

Мы видим, что на федеральном уровне и на уровне губернаторов пытаются решить следующие задачи.

Первая задача – это, конечно, поддержание уровня ликвидности в банковской системе и у предприятий.

Я понимаю, если ликвидности у банков или у предприятий не хватит, то может очень быстро наступить дефолт, начнутся проблемы с просроченной задолженностью и так далее.

Поэтому на первом уровне решалась задача стабилизации курса рубля, то есть в крупные банки поступали деньги, чтобы они дальше смогли вкладчикам выдавать триллионы рублей.

Поэтому первая задача – это, конечно, вопросы ликвидности.

В текущем году нет таких ситуаций, что банки перестали кредитовать промышленные предприятия.

В 1998 году такая ситуация была.

Тогда была ситуация, что хотелось просто прекратить кредитование: новые кредиты не выдавать, а работать только на погашение кредитов.

В текущем году ситуация выглядит так, что по крайней мере на сохранение оборотов, на поддержание объема оборотных средств кредиты выделяются, но в пределах действующих лимитов, то есть старый кредит погашается – новый выдается.

Поэтому в части поддержания уровня ликвидности коллапса промышленных предприятий в ближайшее время не произойдет. Можно ожидать, что первое время будет все в порядке.

Второй вопрос – это снижение издержек в краткосрочном плане.

За счет того, что выделяется огромный объем субсидий – он действительно беспрецедентный – и кредиты, по сути, обходятся по ставке 5–10% годовых, я думаю, что многие предприятия в первое время не почувствуют ухудшения финансового результата и снижения показателей.

Но что произойдет через полгода или через год в части долгосрочных рисков?

Здесь, конечно, возникают большие вопросы.

Многие банки понимают, что это не программа поддержки «ФОТ 2.0» или «ФОТ 3.0» и так далее, поэтому при выдаче любого нового кредита, который субсидируется и выдается предприятиям, предполагается, что он должен быть возвращен.

Поэтому банки достаточно сдержанно выдают новые кредиты, внимательно оценивая бизнес-модель каждого предприятия.

Они понимают, что нужно обеспечить рентабельную работу предприятия в долгосрочном плане, чтобы было

решение задач не только по ликвидности и снижению издержек, получению красивого отчета о прибылях и убытках в текущем году, но и в долгосрочном плане – чтобы кредит был погашен.

В этой части все предприятия понимают, что кредиты нужно возвращать.

Следующий вопрос: у всех предприятий разная ситуация в случае снижения выручки, поэтому никто не понимает, как будет меняться финансовое состояние предприятий в целом.

Какое-то предприятие может выдержать снижение выручки и на 50%, а у какого-то могут быть проблемы уже при снижении выручки на 10%.

Поэтому в условиях, когда реальные доходы населения будут падать, а номинальные расти, непонятно, что будет происходить в части снижения выручки предприятий. Пробьет ли точку безубыточности объем выручки у каждого предприятия?

Третий существенный момент, о котором, наверное, рано говорить, – это реализация инвестиционных проектов, в том числе по импортозамещению.

Сейчас мы можем говорить в лучшем случае о замене поставщика или о замене страны-поставщика.

Но вряд ли есть смысл говорить о том, что завтра мы построим новый завод, он запустит собственное производство, и через полтора года мы получим ту продукцию, которая нужна всем нашим предприятиям.

В этой части можно рассчитывать лишь на то, что инвестиционные проекты будут реализовываться за счет собственных средств.

Доля банков в части инвестиций будет продолжать снижаться.

На пополнение оборотных средств банки будут давать деньги под хорошие залоги, а в части инвестиционных кредитов, я думаю, их доля будет очень сильно сокращаться.

Даже последние 10 лет в части выдачи инвестиционных кредитов заметна тенденция: новый инвестиционный кредит можно выдать только там, где мы развиваем систему передела у конкретного предприятия.

Например, если предприятие делает колбасу, построило рядом свой свинокомплекс, открыло магазины – тогда такая система еще может работать.

Но в части каких-то новых производств – открыть новый завод, где уже завтра делать, например, болты и саморезы, – большие-большие сомнения.

Поэтому в первую очередь можно отметить, что в основном все развитие будет происходить за счет собственных средств.

Опять же, конечно, вопрос: откуда они возьмутся?

Ведь речь о собственных средствах в условиях снижения выручки.

Мы понимаем, что снижается возможность использования импортного оборудования и комплектующих.

Во-первых, как купить?

Во-вторых, как купить дешево?

В-третьих, на что купить?

Дальше – вопросы о гарантиях реализации готовой продукции.

Правильно сказал Юрий Валентинович Пономарев: можно, конечно, купить паром для перевозки, но если завтра все изменится, то он никому станет не нужен.

Поэтому гарантия реализации готовой продукции – очень большой вопрос: где эту продукцию можно реализовать?

Мировое разделение труда никто явно не отменял.

Самое выгодное – иметь один завод и продавать его продукцию на весь мир, а не иметь тысячу заводов, производящих небольшой объем продукции, которая реализуется только внутри страны.

В части уровня процентных ставок мы, конечно, приветствуем хотя бы незначительное снижение процентных ставок, с 20 до 17, по той причине, что высокий уровень ставок вряд ли выдержит какое-то предприятие.

Здесь ситуация как с электропроводкой.

Если короткое замыкание, то перегорает электропроводка сразу же.

Если высокая сила тока, то расплавится через несколько часов.

А если средняя сила тока, то, наверное, еще какое-то время выдержит...

Поэтому снижение уровня процентных ставок позволяет хотя бы сформировать условия, чтобы предприятия выдерживали рост расходов в части банковских кредитов.

Что хочется отметить в части инвестиционного климата?

У нас очень много работает Агентство инвестиционного развития, но такое ощущение, что оно иногда не видит ключевых моментов.

В чем кроется плохой инвестиционный климат?

Он кроется в общих подходах МВД, в общих подходах службы судебных приставов, в подходах работы федеральных регистрационных служб, которые могут «снять» почему-то залогом, и в законодательстве, наконец.

Вот подход МВД, которое может арестовать заправки, которые каким-то образом являются орудием совершения преступления.

Такой парадокс: клиент может украсть бензин, а МВД говорит, что у него орудие совершения преступления – заправки, поэтому мы это залоговое имущество арестовываем.

Все это является следствием плохого инвестиционного климата в другой плоскости: не те используются показатели в Агентстве инвестиционного развития.

Если его будет оценивать каждый предприниматель, каждый клиент, то мы увидим, насколько плохой инвестиционный климат: иногда, действительно, просто заниматься вообще ничем не хочется.

Поэтому сейчас в лучшем случае можно ожидать инвестиций с целью сохранения производства и обновления основных средств.

Вряд ли можно ожидать инвестиций с целью создания новых производств.

Очень важный момент: где взять компетенции для новых производств, где взять опыт, как создать условия, чтобы не была убита инициатива предпринимательства?

Мы понимаем, что развитие малого бизнеса – это вклад огромного количества экономических субъектов, которые придумывают, как решить определенную задачу.

Когда миллионам таких предпринимателей создают условия, то минимум тысяча из них найдет решение и будет развиваться.

Если не создаются эти условия, то мы не реализуем этот интеллектуальный потенциал нашего предпринимателя.

Поэтому, с одной стороны, я полностью согласен, что нужно развивать науку, нужно развивать НИОКР.

Но мы видим, что сейчас бьют по рукам малого предпринимателя, не дают ему развиваться и искать нужные решения. Если что, придет инспекция, проверит по всем направлениям...

Это большой риск.

Создаются условия, при которых в долгосрочном плане развиваться достаточно сложно. Может быть, даже практически нереально.

Это мой прогноз – умеренно позитивный, пессимистический.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо, Сергей Михайлович.

Вы многие годы возглавляете ведущий региональный банк, поэтому Ваши выступления особенно дороги, ведь Вы знаете практику.

У нас есть поднятые руки, и еще коллеги записались для кратких выступлений, поэтому перейдем к дискуссии.

Я, безусловно, всем дам слово.

Пожалуйста, Михаил Владимирович Волков, руководитель банка из Рязани.

ДИСКУССИЯ: РЕПЛИКИ, ВОПРОСЫ, КОММЕНТАРИИ

ВОЛКОВ М.В.

первый заместитель председателя правления, член совета директоров ПАО «Прио-Внешторгбанк»

Здравствуйте, коллеги!

Спасибо, Гарегин Ашотович, за возможность сделать свое дополнение к докладу Сергея Михайловича.

Многие инвестиционные проекты, которые уже начаты и реализовывались на территории Российской Федерации, к сожалению, по тем или иным экономическим причинам – может быть, нерасторопность организаторов, риски недофинансирования и так далее – находятся в замороженном состоянии.

Сергей Михайлович сказал о болтах и шурупах.

Мне лично известен случай: в Московской области стоит практически готовое предприятие по выпуску метизов – пресловутых шурупов.

Но оно находится в состоянии банкротства.

При этом собственник предприятия не готов: не имеет никаких источников финансирования и компетенций.

А та команда, которая работала на этом предприятии и готова была бы, например, организовать производство и выпуск на рынок этих пресловутых шурупов, не имеет финансовой возможности: ей не подо что давать финансовые средства.

В условиях мобилизационной экономики необходимо, на мой взгляд, в том числе провести ревизию предприятий, которые сегодня находятся в ситуации банкротства.

И, соответственно, вводить процедуры внешнего управления.

Но, скорее всего, это внешнее управление должно быть другое – не то, которое подходит для мирного времени.

В основном внешним управлением занимаются специально обученные люди, основная специализация которых – юридическая.

Соответственно, это должно быть внешнее управление под Минпромторгом, под Ростехом, под кем угодно.

Туда нужно ставить просто инженеров, подтягивать команды, которые готовы и могут осуществлять внешнее управление этими замороженными активами.

БУЗИН А.Ю.

заместитель председателя правления АО «Морской банк»

Здравствуйте, коллеги!

Разделяю во многом точку зрения на происходящее.

Есть вопрос, дискуссионный в большей степени: видите ли Вы существенные риски от долгосрочного повышения инфляции и усиления роли государства в экономике Российской Федерации?

Мы действительно видим.

Мы, наверное, видим это не в краткосрочной перспективе, а скорее в среднесрочной и долгосрочной.

Это вопрос к спикерам.

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Боюсь, что эти риски у нас всегда есть при нашей культуре управления...

Далее слово Евгению Алексеевичу Капогузову, заведующему кафедрой экономической теории и мировой экономики Омского госуниверситета.

КАПОГУЗОВ Е.А.

д. э. н., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Я хочу выступить по вопросу, который касается многих людей – находящихся и в этой виртуальной аудитории, и в принципе всех россиян.

Это тематика, связанная с авиаперевозками и состоянием авиационной промышленности Российской Федерации.

С февраля, когда началась геополитическая напряженность, Россия столкнулась с ограничениями на осуществление авиаперевозок.

Не секрет, что 80% самолетов наших авиакомпаний являются импортными.

В более благоприятной ситуации находятся компания «Россия» и, как ни удивительно, компания «Ред Вингс», которая вся оснащена «Сухим Суперджетом».

Для нашего региона это очень интересный сюжет, потому что мы беспокоимся, что компания «Ред Вингс», которая недавно сделала хаб в нашем регионе, будет терять самолеты.

За последний месяц лично у меня отменились два рейса, которые должны были улететь из Омска по региональным маршрутам, – отменились в связи с переброской самолетов на другие регионы.

Но я немного не об этом хотел сказать.

Понятно, что здесь большая дискуссия, за три минуты не уложиться.

Подготовлена глубокая аналитическая статья в одном из журналов.

Каким образом мы дошли до жизни такой, каким образом получилось так, что фактически российский

авиапром оказался не востребован российскими авиакомпаниями?

В принципе, эта ситуация длится уже порядка двух-трех десятилетий.

В 90-е годы и начале нулевых это оправдывалось тем, что технологии, которые использовались в советском авиапроме, устарели.

Разработки «Сухого Суперджета» и «МС-21» реализовывались в том или ином формате с участием международной кооперации.

Тот же самый двигатель у «Сухого» – это, по сути, французский двигатель, у «МС-21» предполагалось также активное участие коопераций.

Хотя после 2015 года, когда началась программа по импортозамещению авиационной промышленности, возникло большое количество и нормативных документов, и усилий по снижению доли импорта в комплектующих при строительстве самолетов.

Стоит сказать, что программы по реализации этих двух типов самолетов оцениваются по-разному. Я говорю о «Сухом» и «МС-21».

Здесь очень подробно коллега говорил о ситуации в автомобильной промышленности.

Так получается, что в авиапроме до последнего момента кооперация была очень активная: и «Boeing» присутствовал в Сколково, и «Airbus» оперативно сотрудничал, в том числе по компонентам, по авиационным двигателям и не только.

Несмотря на движение к импортозамещению и программы отказа от зарубежных поставщиков, все равно продолжалась кооперация.

Поэтому в настоящий момент происходит только первая попытка понять, что действительно, в моменте мы не можем организовать всю отечественную импортонезависимую промышленность.

По-прежнему это объясняется тем, что акцент долгое время был на производстве военных самолетов.

«Сухой Суперджет» – это корпорация «Иркут», которая всегда специализировалась на военной технике.

Для них производство гражданских самолетов было в какой-то степени чемоданом без ручки. Оно реализуется, но при поддержке государства.

И очень яркий пример – компания-лоукостер «Победа», созданная «Аэрофлотом», принципиально сказала: мы будем реализовывать проект именно с «Боингом» с точки зрения привлечения самолетов в свой флот через лизинговые механизмы, потому что это экономически целесообразнее, чем делать заказы на производство «МС-21».

Поэтому это большой вопрос по поводу неожиданности для российского авиапрома тех событий, которые произошли и очень больно ударили по российской системе авиаперевозок.

По прогнозам, на 30–50% уже этим летом увеличится стоимость перевозок.

Субсидии здесь не помогут, к сожалению.

В соответствии с планами до 2024 года предполагалось выпустить только два самолета «МС-21».

Если не будут какие-то резкие шаги предприняты, связанные с попытками реимпорта или параллельного импорта, российская авиационная промышленность в условиях нынешней ситуации, при сохранении нынешних геополитических ограничений, столкнется с очень непростой ситуацией.

Это, естественно, окажет влияние и на располагаемые доходы населения, и на сокращение наших возможностей.

Такое короткое сообщение.

На самом деле более глубокая статья опубликована.

При желании коллеги могут с ней ознакомиться.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги, пожалуйста, еще вопросы, если есть.

И далее я предоставлю нашим спикерам возможность для заключительного слова.

Тем более что между спикерами возникла определенная полемика.

И обратите внимание на вопросы в чате.

А я пока зачитаю несколько вопросов, которые поступили из регионов.

Из Псковского государственного университета Рожкова Анна, доцент кафедры, спрашивает: будет ли возврат к неформальной занятости, присущей 90-м годам, как периоду адаптации на рынке труда?

Орлов Сергей Николаевич, профессор из Курганского госуниверситета: есть ли позитивные предложения, направленные на использование текущей ситуации как возможности для развития национальной экономики и регионов?

Светлана Ивановна Ультан, доцент из Омского университета: где брать достоверную информацию о деятельности регионов Российской Федерации, кроме Росстата?

Это вопросы из региональных вузов, не могу их не довести до наших спикеров.

Пожалуйста, коллеги.

| проф. ЗУБАРЕВИЧ Н.В. – МАКСИМОВ А.А.

Зубаревич Н.В.: Хочу выразить благодарность Сергею Михайловичу Бурцеву, который по полочкам разложил то, что я знаю хуже всего, – банковский сектор.

Спасибо Вам огромное за высокий профессионализм и четкость.

И спасибо всем за дискуссию.

А теперь привет КамАЗу.

Вопрос: «даймлеровскую» кабину и гидравлику как будете менять?

Уже объявили, что переходите с поколений К-5 и К-4 на К-3.

Через полгода вернемся к этому вопросу.

Максимов А.А.: Не через полгода, а в первом квартале следующего года будем разговаривать.

Зубаревич Н.В.: Отлично.

Посмотрим, чем закончится для КамАЗа 2022 год. Спасибо всем огромное.

Тосунян Г.А.: Таким образом, в график ставьте первый квартал следующего года.

Зубаревич Н.В.: Это в том случае, если придут итоги года по социально-экономическому развитию, если к тому времени эту статистику не закроют.

Вы знаете, что таможенную статистику уже закрыли полностью.

Максимов А.А.: Я могу сказать, с чем это связано, но нет смысла сейчас дискутировать на эту тему.

Зубаревич Н.В.: И я могу сказать, с чем это связано. Чтобы не отслеживали, как переходят потоки.

Максимов А.А.: Конечно.
Поэтому это давно надо было сделать, еще в 2014 году.

Зубаревич Н.В.: Давайте так: мы не будем с Вами спорить до первого квартала следующего года.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, давайте послушаем Андрея Нечаева.

НЕЧАЕВ А.А.

д. э. н., профессор

Лично мне из всей этой санкционной истории наиболее опасным представляется решение «Большой семерки» о запрете на экспорт в Россию высокотехнологичной продукции – пока на 50%, но я думаю, что это не предел.

И у меня вопрос к докладчикам: в среднесрочном плане какие регионы окажутся наиболее пострадавшими в результате этих мер?

Наталья Васильевна больше говорила о последствиях нефтяного и сырьевого эмбарго.

А мне представляется, что стратегически наиболее болезненные последствия связаны с запретом на экспорт в Россию высоких технологий.

И второй вопрос – к Андрею Александровичу Максиму.

Наталья Васильевна этот вопрос уже отчасти сформулировала: каким образом без огромного количества импортных комплектующих Вы собираетесь дальше успешно развиваться и наращивать производство?

В этой связи еще подвопрос.

Недавно Правительством принято решение о том, что российскому автопрому разрешается переходить на автомобили класса Е-0, то есть с пониженными требованиями к экологичности, безопасности, техническим условиям и так далее.

Образно говоря, мы все пересядем на «Жигули» и на «КамаЗы» образца 70-х годов?

Спасибо.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо.

Коллеги, давайте с учетом заданных вопросов приступим к ответам и заключительному слову наших спикеров.

Наталья Васильевна уже вкратце это сделала.

Пожалуйста, Андрей Александрович.

Как раз Вам свежие вопросы поступили.

I МАКСИМОВ А.А. – проф. НЕЧАЕВ А.А. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Максимов А.А.: Первый вопрос, который был задан: каким образом работать без огромного количества импортных комплектующих?

Когда Вы говорите «огромное количество» – насколько огромное это количество?

Вы можете назвать долю локализации на КамАЗе?

Нечаев А.А.: Доля локализации может быть любой, но если есть некие критически важные импортные составляющие, то уровень локализации не имеет принципиального значения.

Например, в самолете «Сухой Суперджет» западные – французские – двигатели и авионика.

При отсутствии поставок самолет не полетит независимо от доли отечественного производства в других компонентах.

Максимов А.А.: Абсолютно правильно.

40 тысяч комплектующих надо собрать в одну кучу, чтобы поехать, – это КамАЗ!

Проблемы есть, я даже спорить не буду.

Вы думаете, что мы не понимаем, что происходит в нашей стране?

Понимаем прекрасно.

Поэтому с чего я начал?

Работа с рисками на КамАЗе построена.

Уже в конце января 2020 года мы начали готовиться к пандемии, когда у нашего поставщика в Ухане возникла проблема.

С делом управления рисками у нас все поставлено.

Мы начали шить противочумные костюмы, когда нас упрекали в панике.

Мы начали скупать аппараты искусственной вентиляции легких и все остальное, поэтому ковидный кризис мы отработали без единой остановки.

Мы даже договорились с профсоюзом, что будем работать по субботам, потому что понимали, что после майских праздников люди выйдут и будут болеть.

У нас 300 человек бегало по всему КамАЗу, меряли температуру три раза в день.

Не было ни одного очага заболевания внутри КамАЗа.

Поэтому ситуацию мы понимаем четко.

Да, будут некие отступления, но не Евро-0, раз на то пошло, а Евро-3.

Один мой коллега очень правильно сказал: конечно, легче производить на весь мир какую-то деталь, что и делают мировые лидеры комплектующих, чем делать эту комплектующую на 40–50 тысяч. Проблема эта есть.

Но я могу сказать, что мы не зря в 2007 году локализовали производство.

Во-первых, решена проблема площадей.

КамАЗ является самым большим в мире конвейером.

Раньше мы это считали гордостью, а сейчас понимаем, что это серьезная проблема.

Поэтому мы создали совместные предприятия со всеми мировыми лидерами.

Например, мы выяснили интересную деталь: оказывается, то, что нам привозили из Европы, делалось в Индии!

В принципе, пока Индия ничего плохого о нас не думает или думает, как заработать на этом.

Мы тоже это всё прекрасно понимаем.

Можно выкопать яму, залезть туда и умереть спокойненько. Это тоже вариант.

Это можно было и в 2008 году сделать, и в 2015 году, который был ничуть, наверное, не проще, чем сейчас.

Но опять же, опыт всех кризисов показывает, что через какое-то время – месяц, два, три – бизнес начинает думать: а что делать-то?

Сначала все сидят и ждут, чем кончится, а когда понимают, что это не кончится в ближайшее время, начинают шевелиться.

На то он и бизнес.

Тосунян Г.А.: Мысль понятна.

Единственное, что лучше не сидеть и потом думать, а лучше заранее оценивать риски.

Максимов А.А.: Конечно.

Я уже повторяюсь, что система управления рисками построена.

Мы к этой ситуации начали готовиться еще в прошлом году.

Тосунян Г.А.: Примеры авиапрома приводили.

Оказалось, что там риски совершенно не оценены.

Максимов А.А.: Теперь насчет поколений К2, К3.

Самосвал, у которого кузов от экологических норм не меняется, возит столько же.

Для потребителя это даже выгоднее.

Потому что у него нет затрат на всякую электронику и все остальное, в принципе не нужное для того, чтобы из карьера до стройки возить песок.

Тосунян Г.А.: Тогда зачем это делают другие?

По глупости?

Максимов А.А.: Нет. Если берем Европу, то они давно с помощью экологических норм закрывают свой рынок.

И правильно делают.

Для государства выгодно: лучше жить в стране, где нет смога и чистый воздух.

Надо понимать, что автомобиль уровня К6 берет воздух грязнее, чем выпускает.

Но потребительские свойства от этого у него принципиально не меняются.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН

Серьезная проблема, которую профессор Зубаревич затронула, – это мазут, который будет ограничивать наш экспорт дополнительно к тому, что делают европейские страны.

Мазут надо перерабатывать. Технологии для этого есть.

У нас страшная смертность, в том числе в трудоспособном возрасте.

Мы с академиком Аганбегяном прикинули, сколько нужно вкладывать ресурсов, для того чтобы понизить смертность до уровня Советского Союза.

В течение 5 лет нужно добавлять 400 миллиардов рублей в систему здравоохранения.

А чтобы достичь уровня Европы, еще 5 лет вкладывать по 400 миллиардов.

Параллельно нужно решать проблему повышения рождаемости, которая упала до уровня 1990-х годов.

Это социальные проблемы.

Мы не можем при такой рождаемости развивать свою страну – а это еще 400 миллиардов рублей.

Необходимы значительные средства.

Я еще раз хочу подчеркнуть роль инженера.

Все эти проблемы с болтами и новыми деталями могут решить только инженеры и квалифицированные рабочие.

Это серьезная проблема, которая, конечно, у нас растянется на годы.

Теперь по поводу спора о наших автомобилях.

Я никоим образом не сомневаюсь, что у нас понизится класс автомобилей, класс грузовиков, класс самолетов.

Понижение класса товаров, которые мы будем потреблять, тоже является неизбежным.

Наше Отечество время от времени сталкивается с такими серьезными проблемами.

Я верю, что мы их преодолеем.

Но для этого очень важно поднять роль творческих людей, освободив их от гнета чиновничества.

| БУРЦЕВ С.М.

Был задан вопрос по инфляции, которая бывает монетарной и немонетарной.

Сейчас нарушены логистические цепочки.

Может получиться так, что инфляция в краткосрочном плане возрастет.

Когда логистические цепочки более-менее восстановятся, то цены на продукты и товары упадут.

В долгосрочном плане все зависит от доходов федерального бюджета и от наличия средств в наших фондах.

Если средств в Фонде национального благосостояния будет достаточно, то инфляция высокой не будет.

Но если сроки проблем выйдут за период в год, два, три, то однозначно в долгосрочном плане мы можем увидеть высокую инфляцию, в том числе и монетарную.

Поэтому можно ожидать, что в краткосрочном плане будет, наверное, все в порядке, а в долгосрочном – нужно следить за ситуацией и добывать информацию, статистику, которую можно получать из разных источников.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги, я подведу краткий итог.

У нас сегодня возникла полемика – это очень здорово, что она возникла, что есть разные точки зрения.

Мы договорились, что в следующем году обязательно организуем повторную встречу на нашей площадке.

Тогда мы сможем оценить и значимость этой дискуссии, и ее результативность, и уровень компетенции выступающих.

Тем более что мы издадим материалы сегодняшней нашей дискуссии.

Ситуация, с моей точки зрения, крайне сложная.

Но она тем не менее не должна лишать нас силы духа, силы воли, силы противостоять в том числе такой крайне неординарной, крайне тяжелой и крайне неожиданной для всех нас проблеме.

Два месяца назад никто не мог предположить картину, которая сложилась сейчас в экономике, в финансах, во всех остальных отраслях нашей деятельности.

И я полагаю, что это самая большая проблема.

Когда планируешь и оцениваешь риски – это одно.

А когда они выходят за рамки всех твоих оценок, особенно для финансового рынка, это очень сильный удар.

Санкционная политика, видимо, довольно детально продумана, и она долгосрочная.

Она каждый месяц и каждую неделю добавляет новые «сюрпризы» для нашей экономики.

Странно, что об этом никто из «ответственных» лиц не думал, хотя с учетом политики последних лет стоило и подумать, и не допустить.

Мы должны понимать, что и такие сверхриски надо оценивать, учитывать и быть к ним готовыми.

Хотя это очень неприятно – настраивать себя на то, чтобы быть ежедневно готовым к падению метеорита на голову.

Тяжело, конечно, жить все время в стрессе, в постоянном ожидании серьезных неприятностей.

Поэтому хотелось бы все-таки иметь защитный «зонтик» и от метеоритов, и от экономических санкций, и от каких-то других рисков, особенно для финансового рынка, который «снабжает кровью» всю экономику.

В этом смысле важен региональный разрез, который сегодня блестяще преподнесла в своем докладе Наталья Васильевна.

Вместе с тем хорошо на этом фоне Андрей Александрович показал позитивные примеры работы.

Такие всесторонние оценки делают нас более продвинутыми в понимании складывающейся сложной ситуации и вариантов выхода из нее.

Благодарен, что и мои коллеги-банкиры в сегодняшней дискуссии активно участвовали.

Всем огромное спасибо!

Сегодня собралась очень большая аудитория.

Несмотря на то что мы уже вышли за рамки регламента, численность участников в значительной степени сохранилась.

Удачи и успехов!

До следующих встреч!

Научно-консультативный совет
ООН РАН

**РОССИЙСКИЙ РЫНОК
ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ**

Материалы заседания НКС ООН РАН
15 октября 2022 года

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Коллеги, наше заседание посвящено рынку драгоценных металлов.

То, что банки сегодня фиксируют повышение спроса граждан на вложения, например, в металлические счета, – это логично и не вызывает удивления.

Когда рынки неспокойны, инвесторы используют различные стратегии сбережений.

Драгметаллы, в первую очередь золото, становятся хорошей альтернативой вкладам.

За 9 месяцев 2022 года в России было открыто 700 тысяч обезличенных металлических счетов, что эквивалентно примерно 250 тоннам драгоценного металла.

Примерное распределение: 75% – золото, 15–20% – серебро, остальное – платина и палладий.

Вырос спрос на золотые слитки.

Это произошло после введения налоговых послаблений в марте этого года.

Ранее при покупке золотого слитка необходимо было платить 20% НДС.

Такие затраты делали операции со слитками невыгодными.

Сейчас налог отменен.

В июне этого года также был отменен налог с прибыли при продаже золотых слитков – НДФЛ в размере 13%.

До этого при реализации слитков возврат уплаченного налога был невозможен.

Власти считают, что драгоценные металлы смогут потеснить доллары и евро в структуре накоплений россиян.

В том числе и в силу того, что оборот этих валют, по крайней мере сейчас, ограничен.

Цены на металлы очень волатильны, поэтому это инвестиции не для всех.

Инвесторы должны понимать рынок, в который вкладываются.

В начале 2022 года стоимость грамма золота составляла 4300 рублей по курсу ЦБ. На пике в марте она выросла до 7700 рублей, а затем золото подешевело вдвое.

Сейчас грамм оценивается в 3400 рублей.

С другой стороны – ситуация с банковскими вкладами: произошли очень серьезные изъятия.

В частности, 754 миллиарда рублей было изъято с 21 сентября по 6 октября.

Пики были 22 сентября – 132 миллиарда за один день и 30 сентября – 145 миллиардов рублей.

Но общая сумма в 4 раза меньше, чем было в конце февраля – начале марта. Тогда клиенты банков забрали почти 3 триллиона рублей.

Абсолютный рекорд снятия наличных – 25 февраля – 1,4 триллиона рублей за один день.

Можете себе представить, как стрессы влияют на финансовое поведение граждан!

С учетом всех этих обстоятельств рынок драгоценных металлов представляет особый интерес.

Я очень благодарен Сергею Дмитриевичу Щавелёву, члену комитета по рынку драгоценных металлов саморегулируемой организации «Национальная финансовая ассоциация», за то, что он принял наше предложение выступить с докладом.

ДОКЛАД

ЩАВЕЛЁВ С.Д.

член Комитета по рынку драгоценных металлов Саморегулируемой организации «Национальная финансовая ассоциация»

В первую очередь хотел бы поблагодарить за приглашение Ассоциацию российских банков и Отделение общественных наук РАН.

Меня пригласили рассказать о текущей инфраструктурной ситуации на рынке драгоценных металлов Российской Федерации.

В этом году происходят вещи, которые последние 20 лет не наблюдались на рынке, и они происходят стремительно.

Рынок меняется буквально каждый месяц.

Я всю карьеру проработал в банковских или инфраструктурных организациях: работал трейдером в Сбербанке, запускал биржевые торги драгоценными металлами на Московской бирже, работал по направлению развития финансирования продуктов для недропользователей нашей страны, которая занимает третье место в мире по добыче золота и других драгоценных металлов.

Последние несколько лет я занимался развитием розничной торговли в «Россельхозбанке».

Сейчас я выступаю от имени Национальной финансовой ассоциации, а работаю тем временем в одной из крупнейших золотодобывающих компаний страны и мира.

Небольшой комментарий: по ходу выступления буду высказывать исключительно собственное мнение.

Все то, о чем буду говорить, это мои наблюдения: как рынок себя чувствует, что было, условно говоря, вчера и что есть сегодня, а также что будет движущими факторами, драйверами в ближайшее время, поскольку горизонт планирования очень сильно сузился.

Про рынок драгметаллов: что будет в следующем году, куда это все может пойти, потому что все развивается молниеносно.

Завтра мы можем рынок абсолютно не узнать по сравнению с тем, как он выглядел вчера.

Рынок драгметаллов в России – традиционный, потому что наша страна – крупнейшая добывающая, и основу ее составляют недропользователи, те субъекты добычи и производства драгметаллов, которых у нас в стране порядка пятисот.

Страна занимает третье место в мире по производству золота, шестое – по добыче серебра, первое – по добыче палладия и второе место – по производству платины.

То есть по четырем стратегическим драгоценным металлам Россия занимает лидирующие позиции в мире.

Конечно же, обеспечение этого лидирующего места в мире основано и зиждется на недропользователях.

Все, что добыто из недр, у нас проходит полный цикл превращения из сырья первичного в готовую продукцию: очистка драгоценных металлов от примесей и сопутствующих металлов, изготовление металла, аффинированного в специализированных аффинажных организациях, которых у нас в стране достаточно.

Некоторые предприятия имеют лидирующие позиции по производству в мировом масштабе, оснащены современной техникой и технологиями производства чистого драгоценного металла.

Металл от недропользователя традиционно уезжает на эти самые аффинажные заводы.

Они разбросаны по территории Российской Федерации, но основные сосредоточены в Красноярском крае, Новосибирской области и на Урале.

Традиционно металл, добытый и очищенный от примесей, доведенный до состояния, соответствующего российским государственным стандартам, попадает в кредитные организации – банки Российской Федерации.

Так сложилось за время существования рынка – в крупнейшие банки.

Через первые 20 банков проходит практически весь объем добытого драгоценного металла в стране.

Дальше то, что добыто, традиционно уезжало за рубеж, потому что международный рынок является основным потребителем драгоценных металлов.

У нас в стране культуры и, наверное, какой-то практики использования драгоценных металлов в инвестиционном плане до нынешнего времени не было.

Промышленное потребление в Российской Федерации составляло незначительный объем по сравнению с производством.

Избыток добытого традиционно уезжал на экспорт, преимущественно в Великобританию и Швейцарию, а

также в Объединенные Арабские Эмираты, которые являются международным хабом по распределению металла.

Из Эмиратов металл может отправляться как в Европу, так и в страны Азии, преимущественно в Индию, где очень значительное потребление.

Но из России, соответственно, те же самые банкиры, сотрудники банков самостоятельно или с помощью своих дочерних организаций, которые тогда еще были зарегистрированы в других странах, протапывали дорожки, импортируя металл на территорию Индии, потому что Индия – это очень интересный, но очень сложный рынок с точки зрения попадания туда металла.

Спрос в Индии – второй по величине в мире после Китая.

Китай – это история еще сложнее, чем Индия.

Китай является крупнейшим производителем золота, а также крупнейшим импортером золота в мире.

Чтобы попасть на внутренний китайский рынок, продавцу необходимо очень сильно постараться.

Весь рынок очень регламентирован, есть строго определенные правила.

Чужаков на внутренний рынок Китая не пускают либо пускают очень долго и с небольшим желанием.

Фактически с 2002 года, когда образовался организованный внутренний рынок в Китае, новых участников, кроме самих китайских производителей и потребителей, так и не появилось.

В 2014 году Китай создал двухступенчатую систему доступа на собственный рынок, когда все иностранцы

сначала попадали в свободные китайские зоны со своим металлом, там этот металл перепродавался посредникам, которые впоследствии могли импортировать его уже на внутренний китайский рынок.

То есть для обычного производителя, например, из Российской Федерации, зайти на внутренний рынок Китая просто потому, что у него есть много металла и он хочет продавать его в Китае, было просто невозможно.

И до сих пор это остается темой достаточно закрытой.

У Китая есть свой взгляд на развитие этого рынка.

Там раньше всех, наверное, среди крупнейших производителей и потребителей металла рынок полностью либерализовали, отменили какие-либо налоги для розничных потребителей.

Внутри Китая полная свобода обращения металла, организованы биржевые торги.

Все участники – от физических лиц до крупнейших производителей – продают и покупают металл непосредственно на этих биржевых торгах и околобиржевых торгах.

Инфраструктура рынка создавалась с 2002 года и работает уже 20 лет.

Она полностью отработана и страну в этом плане полностью удовлетворяет.

Дополнительно к этому в самом Китае исторически сложилась культура и традиция, есть культурная связь с металлом, с владением этим металлом, то есть то, чего, например, в современной России никогда не было.

А во времена Советского Союза за владение драгоценным металлом предусматривалась соответствующая

уголовная ответственность, если металл каким-то образом оказывался у обычных людей.

Напротив, в странах Азии, в Китае, в Индии – это культура.

Здесь жизнь и сбережения напрямую связаны, в том числе именно с металлом.

Эта культура была переведена на рельсы современных финансовых решений.

Китай и некоторые другие страны, Сингапур, например, перевели эти рынки из простых физических рынков (как, например, в Эмиратах на бесчисленных рынках торгуют золотом вживую) в контролируемые и понятные торги по определенным правилам.

Это тренд, который, надеюсь, и в нашей стране будет развиваться.

Об этом я сейчас говорю с точки зрения своего предыдущего опыта работы на бирже и развития биржевых торгов.

Тем не менее, возвращаясь ко вчерашнему дню рынка драгметаллов России, отмечу, что помимо Китая было еще одно крупное направление продажи металла – в страны ЕАЭС.

Это связано с различными причинами.

Во-первых, отсутствие какой-либо таможи между странами ЕАЭС – единое таможенное пространство.

Спрос на российский металл в этих странах по различным причинам присутствовал, и поэтому, естественно, какой-то «ручеек» золота и серебра утекал в Казахстан, Армению и другие страны союза.

Куда после этого металл направлялся – вопрос открытый.

Иногда он возвращался обратно в Россию, иногда из него изготавливались какие-то изделия, которые дальше отправлялись в Европу или другие страны.

Таким образом, страны ЕАЭС тоже занимали некую долю в структуре экспорта драгоценных металлов с территории Российской Федерации.

Так на протяжении 20 лет выглядела картина рынка драгоценных металлов Российской Федерации.

На мой взгляд, не очень красиво – скорее, даже печально.

Очень развито было сырьевое экспортное направление, подобно энергоносителям.

Но если энергоносители – это понятная история, то в отношении драгоценных металлов, поскольку они являются инструментами накопления, сбережения или инвестиций, наверное, стоило бы уделять больше внимания на протяжении этих 20 лет именно внутреннему рынку Российской Федерации.

И это делалось.

Почему экспорт еще был интересен?

Экспорт давал возможности для кредитных организаций.

Покупатели из-за рубежа, естественно, предоставляли ликвидность, которой внутри страны не хватало.

Иностранные покупатели предоставляли инструментарий – то, чего, возможно, в самом начале развития рынка драгметаллов в 1993 году не было.

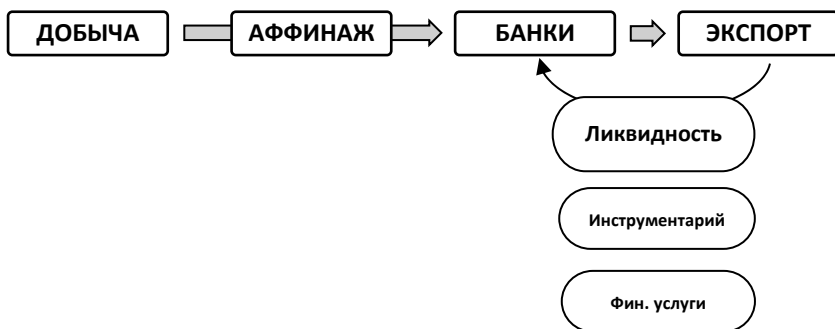
Не было каких-либо специализированных торговых систем, не было легких способов найти покупателя или

одним щелчком мыши реализовать металл, который находится в распоряжении.

Все это от иностранных покупателей Россия «импортировала»: услуги, инструменты, опыт.

И это придавало дополнительный шарм тому, чтобы рассматривать экспорт как приоритетное направление для российского металла.

Естественно, международный рынок предоставлял финансовые услуги в том плане, что помимо ликвидности предоставлялись различные инструменты на рынке драгметаллов для банков, которые они впоследствии ретранслировали своим клиентам-недропользователям.

Что еще было важно?

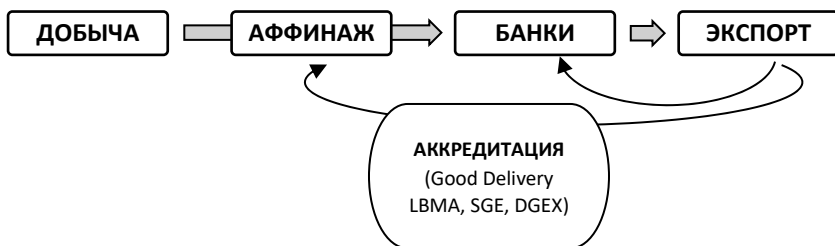
То, что зарубежный спрос предъявлял к нашим товарам, нашему аффинированному драгметаллу – золоту, серебру, платине и палладию – собственные требования.

Для того чтобы попасть на международный рынок, наш металл должен был соответствовать или быть аккредитован соответствующими организациями.

Это так называемая аккредитация Good Delivery (что по-русски звучит как «хорошая поставка») для рынков

Лондона, Шанхая, Дубая, то есть для основных мировых центров купли-продажи драгметаллов.

Соответствующая аккредитация предоставлялась тому товару, который на этот рынок мог бы попасть.

Чтобы поставлять на международный рынок свою продукцию, все наши аффинажные организации были вынуждены получать эту аккредитацию.

Она была не единовременная, ее нужно было спустя какое-то время подтверждать и продлевать.

За нее, естественно, нужно было платить иностранным организациям.

Но тем не менее это был тот самый «крючок», которым аффинажные организации были «привязаны» к международному рынку, потому что лишение этой аккредитации автоматически делало бы продукцию российских заводов неприменимой на международном рынке.

Во всяком случае, так казалось.

Что же делали банки, и какую дополнительную стоимость они для этого создавали?

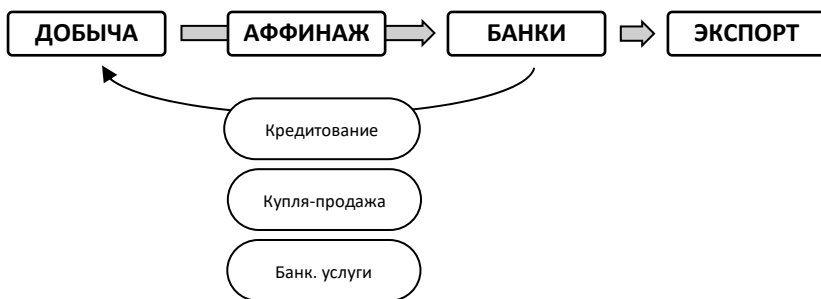
Во-первых, банки кредитовали золотодобычу, горняков, рассыпщиков, одновременно становясь офтейком – основным покупателем произведенного металла.

То есть, прокредитовав ту или иную золотодобычу, банк автоматически становился покупателем того

металла, который за финансируемые средства был добыт, произведен, и дальше уже он его продавал на международном рынке или внутри России.

Естественно, банки еще дополнительно предоставляли финансовые услуги для субъектов золотодобычи: различные корпоративные продукты, не связанные напрямую с золотодобычей.

Привязывая недропользователей финансированием, банки распространяли на них свои дополнительные услуги, в том числе расчетное обслуживание, зарплатные проекты и так далее.

В сумме все это создавало некие конгломераты – банк, вокруг которого два-три крупнейших или крупных недропользователя.

Таких банков было около 5–7, и все крупнейшие недропользователи вокруг них собирались и на протяжении достаточно долгого времени с ними работали.

При этом недропользователи тоже развивались.

Объемы добычи из года в год при такой работающей схеме росли: от уровня, по-моему, 140 тонн в 1993 году мы в итоге пришли к 330 тоннам добычи золота в прошлом году.

Что же было в самой России, если отбросить экспортную составляющую?

На протяжении достаточно долгого времени на рынке существовал основной покупатель – Центральный банк Российской Федерации, который с 2012 по 2020 год ежегодно составлял достаточно значимую конкуренцию экспортным направлениям.

Центральный банк выкупал до половины, а то и более половины, объема произведенного металла, в частности золота, по рыночным ценам.

А рыночные цены, по которым ЦБ покупает металлы и ежедневно публикует у себя на сайте, – это цены международного рынка, пересчитанные в рубли.

Также существует еще один госорган – Гохран России.

Это учреждение при Минфине Российской Федерации, которое отвечает за формирование Госфонда – стратегического запаса Российской Федерации со времен еще Советского Союза.

И банки имели возможность продавать ему, но объемы приобретения в Госфонд через Гохран были незначительные.

Следует отметить, что золотодобытчики, недропользователи могли сами напрямую продавать в Гохран произведенный металл.

Единственная проблема в том, что Гохран не предоставлял финансирование, которое было так критически нужно для рынка и субъектов золотодобычи, поэтому продажи в Гохран были незначительные.

На территории РФ были и другие потребители – ювелирные производства.

Достаточно крупные ювелирные производители в основном сосредоточены в Костромской области.

Там порядка 500 различных компаний-ювелиров, от крупнейших до самых маленьких, которые являются потребителями драгметалла.

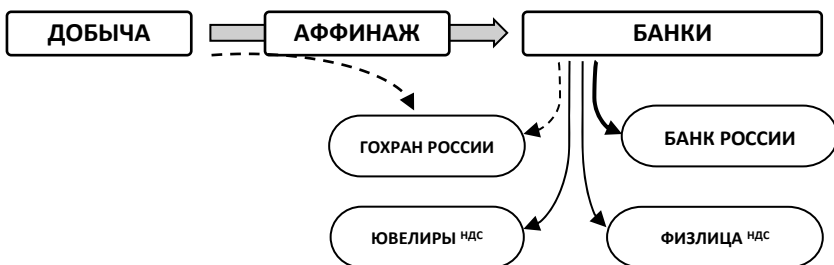
Однако у нас в стране с 1993 года реализация драгоценных металлов облагалась налогом на добавленную стоимость 20%, что делало не очень интересной покупку ювелирами металлов у банков.

Существовало много различных способов и моделей приобретения металла без уплаты налога на добавленную стоимость.

Они были и, честно говоря, наверное, до сих пор есть, потому что НДС для юриц так и не отменили.

Физлица и розничный спрос также облагался НДС, по этой причине он был на незначительном уровне.

Если взять эти четыре направления: Банк России – приобретение золота в золотовалютные резервы, Гохран – приобретение металлов в Госфонд, ювелиры – как сырье, физлица – как инвестиции, то, по сути, это все, что есть внутри России с точки зрения внутреннего спроса.

Естественно, если исключить Банк России, внутренний спрос станет значительно меньше по сравнению с теми объемами, которые страна производит.

Центробанк также является эмитентом инвестиционного золота в виде монет, но об этом чуть позже.

Эта картинка касается только аффинированных слитков и драгоценных металлов.

Что такое аффинированные слитки и продукция аффинажного производства?

Это то, к чему могут прикасаться банки, Банк России, мы как физлица, ювелиры, то есть то сырьё, та продукция, с которой мы можем взаимодействовать.

На этапе до слитков (стандартные слитки, как пример, золото – от 11 до 13,3 кг) это то, с чем мы можем работать.

До этого момента с любой формой металла – в форме руды, сплава, шлихового золота, самородков – могут взаимодействовать только сами недропользователи и аффинажные организации.

Ни в какой форме, кроме как в форме аффинированного слитка либо другой аффинированной формы, очищенной и прошедшей через завод, на рынок металл попадать не может и не должен.

Это наша внутренняя российская установка и требование законодательства.

Продукция аффинажного производства – это не только большие слитки массой около 12,5 кг, но и мерные слитки, которые стали так сильно востребованы в этом году.

Мерные слитки – это слитки от 1 до 1000 граммов.

Все-таки золото – вещь дорогая, слиток в 1 грамм стоит порядка 4–5 тысяч рублей с НДС.

Есть и другие металлы, естественно.

Серебро стоит значительно дешевле, поэтому нет односторонних слитков серебра, но слитки от 50 граммов серебра на рынке присутствуют, и, в принципе, они доступны с точки зрения кошелек потребителя, есть и более мелкая фасовка.

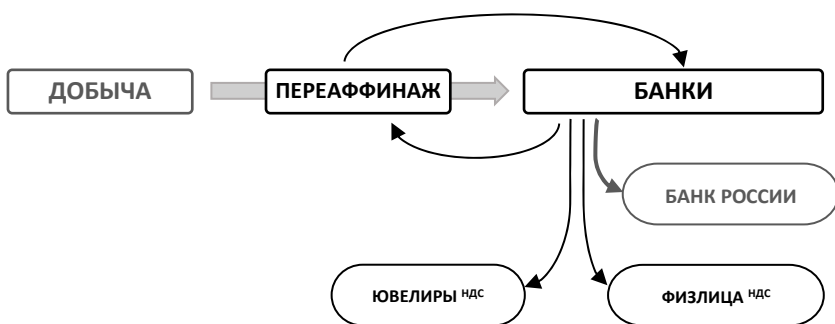
Банки, понимая потребность и спрос населения, даже в условиях наличия НДС проложили дорогу не только на экспорт – что-то продавалось внутри страны.

Крупнейшие банки с развитой розничной сетью, с большим количеством офисов по всей стране занимались процессом переплавки драгметаллов из больших слитков в маленькие для того, чтобы наполнить номенклатурный состав, чтобы удовлетворить спрос населения.

Он был, повторюсь, незначительным ввиду наличия НДС.

Соответственно, для того чтобы удовлетворить спрос физлиц и юрлиц, ювелиров, крупные банки самостоятельно занимались переаффином собственного, уже купленного металла.

Они отправляли купленный металл обратно на завод, там его переплавляли в мелкий набор, а далее банки его реализовывали в собственной сети.

В отношении монет Банка России следует отметить, что Банк России является не только покупателем, но и продавцом на этом рынке.

Он изготавливает на монетных дворах Гознака памятные, событийные или редкие, ограниченные тиражом монеты.

Каждый год выпускает какую-то тематику – монеты, приуроченные к различным событиям.

Но нас в большей степени интересует инвестиционный спрос.

Банк России на протяжении долгого времени, начиная еще с этапа, когда это был Государственный банк СССР, изготавливает инвестиционные монеты из золота и серебра.

На фоне наличия НДС для слитков, для розничных потребителей это являлось не то чтобы спасением, а тем вариантом инвестиций, который не облагается НДС.

По законодательству инвестиционные монеты Банка России НДС не облагались.

Да, они были дороже, чем грамм золота в пересчете по текущим ценам.

Там присутствует отпускная наценка за производство, там было ограниченное предложение, а ввиду этого – некий дефицит.

Но тем не менее все, что изготавливал и изготавливает Банк России на монетных дворах в виде инвестиционных монет, покупалось и покупается населением в полном объеме.

Не было такой ситуации, чтобы тиражи монет не заканчивались.

Когда Банк России в какие-то годы не выпускал инвестиционные монеты, это сильно ощущалось.

Те розничные потребители, которые выбрали для себя вид инвестиций в форме инвестиционных монет, в эти годы испытывали дискомфорт, потому что монет свободных на рынке не было, только вторичное предложение.

Банк России из собственного металла на Гознаке изготавливал монеты и реализовывал их через банки физлицам.

Также монеты уезжали на экспорт.

Но это, наверное, в большей степени касается памятных монет.

Хотя знаю, что часть инвестиционных золотых монет тоже уезжала.

Зачем за рубежом нужны были инвестиционные монеты России из золота?

Видимо, потому что у них была какая-то дополнительная ценность по сравнению с российскими слитками, которые тоже уезжали.

Еще на рынке присутствуют так называемые монетные трейдеры – это юрлица, которые имеют право совершать операции с золотом, не имея при этом никакого требования по лицензированию или аккредитации.

Потому что монеты являются законным средством платежа: это не изделие, не сырье из драгметаллов – это рубль Российской Федерации в форме золотой монеты.

Монетные трейдеры активно участвовали в торговле; они в том числе покупали у банков и перепродавали преимущественно физлицам или покупали у физлиц и перепродавали физлицам.

И более того, банки также были на этом рынке двухсторонним игроком: не только продавали то, что покупают у ЦБ ежегодно, но и выкупали у других.

То есть предоставляли более ликвидный и более понятный рынок по сравнению со слитками.

Также по монетам существовала «серая» зона импорта.

Потому что в отличие от банков монетные трейдеры могли и завозили в страну разными способами иностранные инвестиционные монеты, тоже из золота, которые легально в страну попасть не могли бы без уплаты дополнительных пошлин и сборов.

У нас в стране существуют заградительные пошлины для импорта, чтобы своих производителей обезопасить.

Тем не менее в каких-то небольших объемах в страну инвестиционные монеты из стран Европы и Америки приезжали.

Это не памятные монеты, которые легально импортировались, а именно инвестиционные.

Потому что не хватало предложения от Центрального банка, который ограничивал предложение несколькими сотнями тысяч штук ежегодно.

Иногда вообще тираж не изготавливался в какие-то годы, поэтому «серый» импорт существовал.

Другой, более легальный импорт появился не так давно, в 2017–2018 годах, когда Гознак, который является производителем банкнот и монет, в том числе для иностранных государств, мог изготавливать из собственного золота монеты, например, Камеруна, которые являлись бы инвестиционными.

То есть монеты Камеруна, на которых изображен, например, Юрий Долгорукий.

Но при этом эта монета, которая является инвестиционной, не завозилась в страну.

Она изготовлена из российского золота, НДС и таможенная пошлина не уплачивались при пересечении границы.

Таким образом создавалось дополнительное предложение.

Это то, чего иногда не хватало от Центробанка ввиду ограниченности тиража.

Вопрос легальности здесь двойкий.

Некоторые кредитные организации рассматривали это как обход уплаты НДС и таможенных пошлин при импорте, хотя монета не пересекала ни одну из границ и производилась внутри страны, здесь же реализовывалась.

Некоторые банки спокойно к этому относились.

Так или иначе, это предложение существует.

И легальный импорт – памятные монеты различной тематики, которые нам сейчас в меньшей степени интересны, но тем не менее это существовало.

Там и здесь уплачивались таможенные пошлины и НДС 20% при ввозе металла в страну.

Также существовал и существует внутренний межбанковский рынок.

То есть банки активно торгуют не только с клиентами, но и между собой – и монетами, и драгметаллами, в слитках в том числе.

Если обратиться к цифрам, то предложение физического золота – то, что было добыто из недр в 2021 году, – порядка 346 тонн.

Физлица в слитках с НДС и ювелиры потребили до 10 тонн.

Банк России в прошлом году каким-то образом приобрел 3,1 тонны, хотя он официально прекратил покупки еще в 2020 году, но какие-то эпизодические покупки,

возможно, имели место, в отчетности ЦБ они отражались за прошлый год.

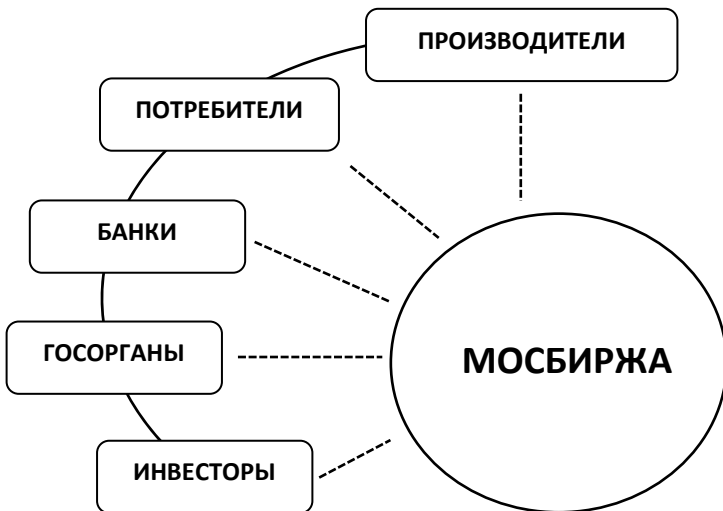
Кроме того, до 8 тонн золота в монетах физлица полностью выкупали ежегодно.

Монеты не облагались НДС, и это было решающим фактором с точки зрения выбора этого инвестиционного продукта.

Все остальное, то есть оставшиеся 330 тонн, уезжало за рубеж.

Если физлица покупали чуть больше, то уезжало чуть меньше, но все равно очень много по сравнению с тем, что производится и потребляется внутри страны.

Еще один момент, на котором хотелось бы акцентировать внимание: все участники рынка так или иначе в 2013 году были между собой связаны, когда была организована биржевая инфраструктура на базе Московской биржи.

Если вкратце, все участники рынка: производители, потребители, банки, госорганы, частные инвесторы – могли стать участниками торгов на Московской бирже точно так же, как они могли стать участниками торгов по валютным парам, по ценным бумагам, по производным финансовым инструментам.

Точно так же они могли стать участниками торгов с физическим металлом.

Биржевая инфраструктура была построена двухуровневой.

Сначала слитки заезжали в биржевое хранилище НКЦ¹, который входит в группу Московской биржи, дальше слитки «оцифровывались» и превращались, условно говоря, в запись по металлическому счету, при этом оставаясь в хранилище, и попадали в торги, формируя тем самым биржевой стакан (таблицу заявок на покупку и продажу).

Соответственно, производитель или банк мог депонировать металл в хранилище, дальше металл превращался в какую-то массу в остатке на счете, и производитель или банк могли выставлять этот металл в любой градации, равной лоту, на продажу на Московской бирже.

Те банки и юрлица, которыми металл был востребован с точки зрения инвестиций, производства и так далее, могли это делать в биржевом стакане и дальше металл забирать из хранилища, если им это было доступно по правилам биржи и НКЦ.

Что еще важно?

На базе биржевой инфраструктуры в 2013 году начал строиться «мост» с Китаем в части связки с биржей золота, которая находится в Шанхае.

¹ Небанковская кредитная организация – центральный контрагент «Национальный Клиринговый Центр».

Через Шанхайскую золотую биржу в Китае происходит оборот металла в стране, и этот «мост» позволял бы в Российскую Федерацию приносить дополнительный спрос от китайских потребителей, а биржа уже обеспечивала бы доставку этого металла в КНР и его «легализацию» в торгах по правилам биржевых площадок.

Соответственно, добавился экспорт как одно из потенциальных направлений биржевой инфраструктуры.

Но все еще для промпотребителей, брокеров и инвесторов, если они прикасались к слиткам даже через биржевые торги, присутствовали требования уплаты НДС.

То есть покупаешь металл с металлического счета без НДС, но как только переходишь в разряд физического металла, будь любезен 20% уплатить.

Это то, чего нет в других странах, и на данный момент, наверное, только в Российской Федерации оставалось в отношении инвестиционного металла.

Во всем остальном мире НДС либо минимальный, на уровне 1%, либо вообще отсутствует, как, например, в Китае.

Если посмотреть, что изменилось на нашем рынке с 1993 года по 2022 год, к сожалению, не так-то уж и много произошло за 30 лет.

В 1993 году рынок, по указу президента Бориса Николаевича Ельцина, был либерализован: банкам разрешено было покупать и продавать металл в слитках, монетах.

Центральному банку было поручено выделить из запасов какой-то объем для «раскачки» этого рынка, а в 1993 году было поручено создать биржевую торговую площадку.

Но особенно ничего серьезного и интересного не происходило.

Да, банки развивались, недропользователи наращивали производство, росло кредитование.

Правила игры для банков были заложены в 1996 году Положением Банка России № 50 «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами».

Это правила работы банков и те самые металлические счета, на основе которых, по сути, банки предлагали инвесторам металл без НДС.

В 2006 году биржевая площадка РТС запустила первый, наверное, прорывной проект за 10 лет – фьючерсы и опционы, то, что начали активно использовать спекулянты, для того чтобы зарабатывать на этом рынке.

В 2013 году были запущены поставочные биржевые торги, когда можно было теоретически приобрести металл на биржевой площадке, в том числе и в физической форме.

В 2018 году наконец-то в Гражданском кодексе был отражен статус банковских счетов драгметаллов.

Что было в 1996 году записано в нормативных документах ЦБ как «металлический счет», наконец-то стало счетом по банковским правилам, спустя уже много лет.

В 2020 году на фоне пандемии началась цифровизация металлов, начали развиваться «мобильные банки» и «интернет-магазины», для того чтобы реализовывать клиентам физический металл с минимизацией посещения ими офиса.

То есть клиент покупает металл, покупает монету, слиток, пусть с НДС, но делает это из дома, а дальше в назначенное время приходит в банк и забирает.

Это дало некий толчок цифровизации металлов.

И в 2021 году произошло то, к чему мы подошли финально перед 2022 годом: государство запустило в

рабочий режим систему по контролю за оборотом драгоценных металлов – государственную систему, похожую на ЕГАИС по спиртной продукции.

То же самое для каждого слитка, для каждого ювелирного изделия, для каждого изделия из драгоценного металла – контроль на всех этапах: от момента производства до момента обращения и финального потребления или покупки физлицом.

В 2021 году произошло еще одно важное событие.

Не знаю, было это рассчитано заранее либо так совпало, но в процедуре экспорта (а это лицензируемый вид деятельности) было разрешено получать генеральные («длинные») лицензии всем участникам рынка: не только банкам, как было раньше, но и производителям.

Недропользователи могли получить в Минпромторге генеральную лицензию сроком на год на весь объем, который они производят, для того чтобы искать на зарубежном рынке своего покупателя для добытого металла, минуя посредников в лице банков.

А потом случился 2022 год, время сильно сжалось, и за 8 месяцев произошло то, чего за 30 лет практически не происходило или «подходы к снарядам» не были реализованы за все эти 30 лет.

В марте был отменен НДС на слитки для физлиц, продажа слитков в банках была разрешена за иностранную валюту до конца 2022 года, была либерализация по НДС в случае продажи слитков, ЦБ начал покупать металл на рынке по 5 тысяч рублей за грамм при цене 7 тысяч рублей.

То есть для решения сиюминутных проблем были найдены сиюминутные шоковые варианты решений.

Это все происходило на фоне санкций: все крупнейшие банки почти одновременно попали в санкционные списки.

Все сделки с драгметаллами, которые были заключены, в том числе «длинные» сделки, были подвержены «раскрутке»²; кто-то на этом сильно заработал, кто-то сильно потерял, и у всех наших аффинажных заводов одновременно была отозвана аккредитация.

То есть металл Российской Федерации перестал быть «хорошим» на международном рынке, скажем так, легально. Он тут же стал не Good Delivery, не «хорошей поставкой».

Все это произошло буквально за пару недель.

Далее был еще шестой пакет санкций, если я не ошибаюсь, когда российское золото полностью было запрещено в ряде стран: вообще к нему буквально стало нельзя прикасаться.

Что за 2022 год произошло?

«Золотая лихорадка» среди физлиц, дефицит слитков.

Банк России начал менять стандартные слитки, получая их у банков, на мерные, чтобы удовлетворить спрос – эту самую «золотую лихорадку».

Центробанком был установлен дисконт 15%, после того как цена золота стала «пробивать» уровень 5000 рублей за грамм вниз; он начал покупать металл с 15%-ным дисконтом внутри страны.

В мае произошло насыщение мерными слитками, проблема с дефицитом была быстро решена.

Но снижение цен, укрепление рубля и коррекция на мировом рынке повлияли так, что в марте и апреле люди

² От англ. “unwind” – закрытие торговой позиции, которое требует нескольких шагов, сделок или времени. Термин обычно используется, когда сделка сложная или крупная.

купили металл без НДС, но по высоким ценам, тогда как могли все предыдущие годы покупать его гораздо дешевле, пусть и с НДС.

Массовые покупки физлицами в июне произошли потому, что это была уже вторая волна, когда слитки появились в наличии и когда цена скорректировалась за счет укрепления рубля.

Начали входить очень крупные покупатели – это люди, которые переключались из валют в металл, это private banking, это family office различных банков.

Начал немного процветать нелегальный экспорт – вывоз физлицами металла в багаже, в ручной клади за рубеж.

Поскольку в стране его можно продать с дисконтом 15%, а за рубежом – с дисконтом 5%, то эти 10% начали оказывать сильное влияние на нелегальный экспорт.

Июль был отмечен различными заявлениями: в СМИ прошла информация, что у нас запускаются цифровые финансовые активы на металлы.

Центробанк начал разрабатывать локальные бенчмарки, потому что к международному рынку мы потеряли доступ; было заявлено создание локальной биржи ЕАЭС и создание московского мирового стандарта на золото.

При этом начал развиваться экспорт в дружественные страны.

Производители и посредники начали легально вывозить по тем самым полученным генеральным лицензиям металлы за рубеж, минуя банки, потому что все банки оказались под санкционным давлением, а недропользователи при этом оставались без него.

Достаточно быстро были изменены ГОСТы, со всех слитков убрали упоминание Российской Федерации и

убрали знак изготовителя, чтобы никаким образом не пугать покупателей за рубежом.

Но тем не менее весь металл, который поступает из России, даже без логотипа страны и завода, все равно переплавляется. Потому что шестой пакет санкций...

В августе произошла нормализация экспорта, снижение дисконтов.

Если раньше на международном рынке российский металл покупался с дисконтом 10, 7, 5%, то сейчас значения опять близятся к 1%. Иногда уже даже без дисконта.

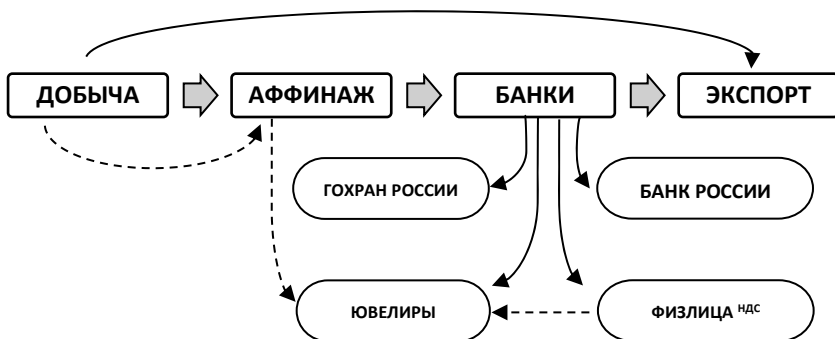
На рынке увеличилось число новых участников-банков.

Поскольку крупнейшие банки попали под санкции, начали развивать торговлю драгметаллами и средние банки, и даже небольшие, что позитивно для рынка.

В сентябре для банков в тестовом режиме заработал тот самый инструментарий по контролю за оборотом.

Аффинажные организации задумались и направили предложения в Правительство и Минфин РФ о том, чтобы им напрямую, минуя банки, начать продавать слитки в розницу, поскольку они эти слитки производят и не нуждаются в лишних посредниках в виде банков.

Итак, современная картина рынка выглядит следующим образом.

Добыча, как и раньше, продолжает продавать какой-то объем произведенного металла в банки, а банки продолжают продавать физлицам.

Аффинажные организации хотят, минуя банки, продавать металл физлицам, но, скорее всего, это будет сделано не напрямую от лица завода, а, например, через ювелирные сети.

Не секрет, что крупные аффинажные организации имеют договорные отношения с ювелирными сетями, и теоретически по агентским схемам можно какое угодно количество слитков продавать физлицам без НДС через ювелирные магазины.

При этом количество ювелирных магазинов в стране намного больше, чем количество банковских офисов, оборудованных для продажи слитков.

Естественно, остался экспорт.

Это стало основным направлением для недропользователей, также минуя банки. То есть недропользователи сами по экспортным лицензиям вывозят металл за рубеж и получают оттуда экспортную выручку.

Банки тоже какое-то количество экспорта пытаются продолжить осуществлять, но у них сейчас большая санкционная нагрузка и сложности в расчетах за металл.

Сложности также остаются и для недропользователей. ЦБ продолжает покупать металл с дисконтом 15%.

Активизировался Гохран, периодически размещает у себя на сайте информацию о покупках до тонны металла ежемесячно на конкурсной основе: кто предложит лучшую цену, тот и продает Гохрану определенное им количество.

И банки продолжают ювелирам продавать металл с НДС, хотя, ввиду отсутствия НДС для физлиц, приобрести металл для ювелиров без НДС, наверное, уже перестало быть проблемой.

Развиваются инфраструктурные организации.

Есть большой задел у биржи, и есть большой задел у цифровых финансовых активов, которые летом начали выходить на рынок и предлагать свои условия.

Что рынку нужно, и что позволит развиваться дальше?

Основное – это купля-продажа.

Должны быть покупатели российского металла. Если их внутри страны нет, они должны появиться за рубежом.

Должна быть ликвидность.

Если ликвидность есть, то остается проблема с расчетами.

Металл доставить и отвезти покупателю не проблема.

Проблема – получить расчет в виде какой-то валюты, потому что доллар, евро и прочие валюты ряда государств под запретом.

Все сделки с металлом рассматриваются под микроскопом.

«Ходит» достаточно ограниченное количество валют. В первую очередь, наверное, рубли, далее – валюты дружественных государств.

Инструментарий развивается теперь уже не за счет зарубежных поставок, а за счет внутреннего ресурса.

Это биржевые торги и цифровые решения, цифровые финансовые активы (ЦФА); финансовые услуги, которые на базе драгметаллов будут продолжать развиваться уже внутри, банковские услуги, связанные с этим (те же самые металлические счета).

Будет продолжаться кредитование, но основное, наверное, на ближайшее время – это бартерные схемы.

Бартерные схемы использования золота при экспорте – это, по сути, порядка 20 миллиардов долларов ежегодно.

Это половина того, что нам стоит экспорт газа, и 1/5 от того, что нам стоит экспорт нефти, для использования этих средств, чтобы приобретать и импортировать по параллельному импорту в страну те вещи, которые нам нужны.

Наверное, золото будет активно использоваться и в этих решениях тоже.

Спасибо за внимание. Если есть вопросы, я готов на них ответить.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Сергей Дмитриевич.

Вопросы, безусловно, есть. Уже две поднятые руки я вижу в Zoom.

Скажите, пожалуйста, а вывоз слитков допустим за рубеж для физлиц?

Щавелёв С.Д.: Да, для физлиц допустим, естественно.

В рамках таможенного законодательства это вывоз согласно действующим правилам для личного пользования.

Тосунян Г.А.: До 10 тысяч долларов или эквивалент, да. Спасибо.

Академик Талия Ярулловна Хабриева, пожалуйста. Вам слово.

ДИСКУССИЯ: РЕПЛИКИ, ВОПРОСЫ, КОММЕНТАРИИ

| **акад. ХАБРИЕВА Т.Я. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.**

| **ХАБРИЕВА Т.Я.**

акад. РАН., д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Хабриева Т.Я.: Сергей Дмитриевич, я хочу поблагодарить Вас за такой подробный доклад.

Мне он интересен, потому что периодически в институт поступают инициативы, связанные с регуляторикой, причем как уровня законов, так и уровня подзаконного.

И немного смущает, что уровень регуляции спускается на уровень подзаконный, причем не очень открытый.

Например, из Госфонда (Гохрана) России разрешен отпуск ценностей – летом у нас был принят соответствующий закон, без внесения изменений в закон о федеральном бюджете.

Как-то повлияет это на рынок?

Второй вопрос.

У нас теперь золото и прочие драгметаллы стали важным мобилизационным ресурсом.

Но как он будет использоваться – непонятно.

Есть ли у Вас об этом информация?

И третий вопрос.

Он тоже касается рынка физического золота.

Раньше все те, кто занимается статусом золота и драгметаллов, специалисты в области финансового права, указывали на большие риски с учетом того, что манипуляции на этом рынке всегда были большие.

У нас зависимость рынка физического золота от бумажного золота.

Когда мы не были исключены из мирового рынка, из торгов на Лондонской бирже и прочее, было много составных частей: фьючерсы, биржевые фонды и так далее.

Сейчас мы практически изолированы от этого.

Сохраняются ли для граждан, которые сейчас активно пошли в золото, риски?

Интересует не столько Ваше отношение, сколько Ваши рекомендации.

И четвертый вопрос.

Как Вы думаете, либерализация, которую констатировали много лет назад, когда мы вступали в ВТО, продолжится или нет?

К чему нам все-таки готовиться?

Щавелёв С.Д.: Спасибо большое.

Что касается первого вопроса – выпуска металла из Госфонда – наверное, это решение Минфина чем-то продиктовано.

Кто будет покупателем того металла, который будет выпущен Гохраном из фонда, еще не очень понятно.

При этом Гохран продолжает публиковать информацию о том, что он – покупатель металла на ежемесячной основе.

Что это будут за ценности, выпущенные из Госфонда, тоже не очень понятно, потому что помимо драгметаллов в Госфонде еще много чего хранится в различных формах и видах: драгоценные камни, уникальные ювелирные изделия и много чего стратегического, о чем мы даже не знаем.

Поэтому в этом плане решение Минфина явно чем-то продиктовано, и оно правильное.

Это вряд ли окажет какое-то влияние на текущую ситуацию на рынке российского золота.

Недропользователи решают возникающие проблемы самостоятельно, вывозя металл.

Банки стараются удовлетворить спрос населения.

Однако, несмотря на высокий дефицит металла в начале года и последующее насыщение, которое произошло летом, мы опять возвращаемся к дефициту.

Возможно, выпуск металла из Госфонда – это не такая уж и плохая идея, потому что в настоящий момент металла на рынке России не так уж и много.

Он весь расписан и в той или иной форме отправляется либо в карман инвестору, либо в карман тому, кто перекладывается из валют недружественных государств или вообще из валют в металл, либо к тем инвесторам, которые приобретают слитки, и тем людям, которые стояли в очередях в марте-апреле, когда закончились мерные слитки одновременно у всех банков.

Что касается второго вопроса – зависимости рынка физического золота от бумажного: сохранится или не сохранится?

Зависимость остается.

Потому что наш российский рынок драгметаллов – производный от международного.

А международный зависит от того самого бумажного золота, о котором Вы сказали: это в основном торги производными финансовыми инструментами на крупнейших биржевых площадках США и других стран.

И в совокупности – от физического металла, который и торгуется, и обращается традиционно в Европе и в Китае.

И все наши цены, которые внутри в России транслируются либо продавцами, либо Центральным

банком, они все еще продолжают быть производными от тех самых международных, так называемых «фиксингов» цен.

Эта зависимость сохраняется.

Если на международном рынке что-то с бумажным золотом происходит, то у нас это также будет откликаться.

В момент начала военной операции на международном рынке металл стоил 2000 долларов за тройскую унцию, сейчас он стоит 1600 долларов за тройскую унцию.

Рубль стоил по отношению к доллару 120, сейчас – 60.

Поэтому у российских потребителей и инвесторов есть два фактора, которые будут оказывать влияние на цену конкретного металла в рублях.

Это международный рынок, который более-менее предсказуем и понятен, и рынок российской валюты, который пока неясно, по каким условиям продолжает формироваться.

В июле было много политических заявлений на тему драгметаллов.

Банк России начал изучать вопрос, как в Российской Федерации определять стоимость металла независимо от того, как она определяется за рубежом.

В этой связи, я думаю, будут предложены какие-то решения, основанные на информации о внутреннем рынке.

А пока мы продолжаем жить в условиях, когда нас отовсюду отключили, от всего деаккредитовали.

Но при этом мы все равно ориентируемся на те самые цены, которые ежедневно формируются за рубежом и у нас пересчитываются в рубли.

Что касается либерализации в рамках ВТО и свободы предложения – наверное, это правильно.

В текущей ситуации у нас внутри страны нет того объема потребления, который мог бы наши производственные мощности поддерживать.

Металла производится значительно больше, и его нужно вывозить.

Международные институты из недружественных стран для нас закрыты, но мы понимаем, что при вывозе металла в дружественные страны он проходит в большинстве случаев просто переработку, после чего попадает на рынки тех самых стран.

И отказываться от этого направления до момента формирования достаточно мощного внутреннего рынка мы не можем и не должны.

Я хотел бы привести некоторые цифры.

Банк «ВТБ» опубликовал данные, что начиная с апреля этого года физлица приобрели у него 20 тонн золота, а всего прогнозировалось, что россияне купят 50 тонн золота.

Если один не самый крупный игрок на розничном рынке продал почти половину от озвученной цифры, значит, мы вправе ожидать, что золота будет продано больше, чем 50 тонн.

На самом деле это статистика, которая в этом году будет актуальна и для других банков.

Все развивается стремительно.

Подталкивает к приобретению золота в том числе и объявленная частичная мобилизация.

В этом году в металл переложатся все, кто опасается за свои сбережения, хранившиеся ранее в других видах и формах.

А дальше мы будем смотреть, как будут развиваться технологические решения, до чего договорятся – если

договорятся – различные страны с нами и мы с ними по поводу использования общих биржевых структур для того, чтобы решать проблемы, в том числе импорта необходимого нам оборудования и техники, которые мы теперь не можем, как раньше, легально завозить в страну.

Это всё будут производные, как эти вопросы решатся, в том числе и как сформируется – если сформируется – локальный бенчмарк на это всё.

Будет ли он зависеть исключительно от торгов внутри страны, или как в Китае, где на рынке драгметаллов ежедневно устанавливаются цены?

Что будет завтра в этом направлении, сейчас сказать сложно.

Горизонт планирования – несколько минут.

Но рынок, несомненно, будет развиваться.

| *чл.-корр.* ЧЕРНЫШ М.Ф. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.

| ЧЕРНЫШ М.Ф.

| *чл.-корр.* РАН

Черныш М.Ф.: Что Вы думаете о возможности возвращения к золотому обеспечению национальной валюты?

И в Российской Федерации, и в Соединенных Штатах, если мы с Вами вспомним, в 70-е годы тоже произошел обмен золотого обеспечения американской валюты.

Ведь до этого Америка здорово развивалась, да?

А после этого что-то там пошло не так.

Второй вопрос касается редкоземельных металлов.

У нас сейчас распространена точка зрения, что мы можем «взять за горло» остальной мир в том случае, если перестанем поставлять некоторые из этих металлов или элементов, которые в других странах в дефиците.

Действительно ли мы сможем преодолевать санкции, если не будем продавать эти редкие для международных рынков металлы?

Спасибо.

Щавелёв С.Д.: Спасибо большое. Что касается золотого стандарта, тут и ЦБ, и Минфин уже высказались довольно однозначно, что привязку рубля к золоту они не рассматривают.

А вот объяснения были высказаны любопытные: это что же, мы должны будем из своих хранилищ золото кому-то отдавать за те рубли, которые нам предъявят в конечном итоге?!

С точки зрения логики – да, наверное, в какой-то форме уже сейчас золото выступает в псевдобартерных

расчетах за различного рода товары, которые импортируются в страну.

В том числе в этих расчетах используются и рубли Российской Федерации.

Если это будет не золотой стандарт, а какой-то привязанный к этому инструмент, то как он будет называться – цифровые финансовые активы, имитированные в золоте, – не столь важно.

Может называться рубль, российское золото или цифровой рубль...

Я думаю, все эти решения, которые так или иначе параллельно были приняты еще до 2022 года, будут продолжаться, от них никто не откажется.

И, естественно, все эти решения будут осуществляться с поправкой на текущую ситуацию и с поправкой на рынок золота.

Поэтому, может быть, золотого стандарта внутри России и ЕАЭС не появится.

Но аффилированные с золотом инструменты для решения проблем, которые возникли одномоментно, ввиду отключения от различных валют в сфере расчетов, будут так или иначе появляться.

А дальше уже будем смотреть.

Потому что не очень понятно, кому нужен металл и как с ним работать; не очень понятно, что мы можем для этого предложить, чтобы нам было это выгодно.

Раздавать металл из резервов пока не планируется, о чем заявили в ЦБ и Минфине.

Что касается редкоземельных металлов, я не очень специалист.

Но насколько представляю, объем этого рынка не такой большой по сравнению с другими товарными сырьевыми активами, которые из страны вывозятся.

Но он критически важен для тех потребителей, которые предъявляют спрос к этим металлам на международном рынке.

Поэтому, я думаю, как и в большинстве других примеров, которые мы наблюдаем в настоящее время, будут определенные правила.

Но для некоторых правил будут сделаны исключения.

Если зарубежным странам будут нужны какие-либо редкоземельные металлы, которые добываются в России, то стороны будут искать способы договориться для того, чтобы поставки из России не прекращались.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Теперь Олег Михайлович Прексин.

В 90-е годы он был директором от России в Европейском банке реконструкции и развития, сейчас – вице-президент Ассоциации российских банков и еще ряд статусов имеет.

Пожалуйста, Олег Михайлович.

| к. э. н. ПРЕКСИН О.М. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.

| ПРЕКСИН О.М.

к. э. н., вице-президент Ассоциации российских банков

Прексин О.М.: Спасибо, Гарегин Ашотович, и спасибо, Сергей Дмитриевич, за интересную презентацию.

Надеюсь, что она будет доступна для обстоятельного изучения, поскольку многие вещи требуют дополнительного осмысления.

Мой вопрос связан с предыдущим.

Золото легло в основу долларизации мировой валютной системы, когда в 1944 году в Бреттон-Вудсе американцы, а конкретно Уайт, переиграли британцев, Кейнса, и убедили всех, что доллар лучше золота, поскольку в любой момент может быть обменян на золото по фиксированной цене 35 долларов за унцию.

После того как официальные запасы золота в США сократились с 22 до 8 тысяч тонн и для американцев стало невозможно выполнять это обязательство, Ямайские соглашения поставили золото вне валютной системы, хотя «Большая семерка» в большинстве своем держит порядка 70% официальных резервов в золоте.

В условиях, когда госдолг США превысил 31 триллион долларов, а общая сумма задолженности этой страны, включающая долги корпораций и домохозяйств, приближается к 100 триллионам, многие говорят о необходимости пересмотра основ нынешней валютно-финансовой системы.

Вопрос глобальный и во многом связан с цифровизацией.

Роль мировой валюты иногда предрекают специальным правам заимствования, или SDR, которые изначально были привязаны к золоту, как и переводной рубль.

Вопрос о перспективах возврата золота в международную финансовую систему в контексте цифровизации приобретает практическое значение.

Есть очень интересный факт, который Вы не упоминали, – это выпуск в минувшем июле «Норникелем» стейблкоина в привязке к палладию.

А совсем недавно состоялся выпуск нового цифрового актива в форме стейблкоина, но уже в привязке к корзине драгметаллов.

Мой вопрос: возможен ли перевод глобальных трансграничных расчетов на некую основу, привязанную к рынку драгметаллов или иным активам из реальной экономики?

Спасибо.

Щавелёв С.Д.: Да, совершенно верно, это было в июле. Компания «Atomyze», которая учреждена «Интерросом».

Изначально задачей ее было создать для международного палладиевого фонда «Норникеля» Global Palladium Fund решение, позволяющее реализовывать продукцию компании за рубежом в форме цифровых финансовых активов.

Этот процесс начался в прошлом году и продолжался до этого года, компания получила аккредитацию ЦБ как первый, если не ошибаюсь, оператор цифровых финансовых активов.

В июле она запустила первые пробные стейблкоины на палладий «Норникеля».

Кстати, недавно еще один цифровой финансовый актив был запущен, и даже сделки по нему прошли.

Аффинажный завод «Красцветмет» выпустил корзину из четырех металлов: золота, серебра и, по-моему, платины и палладия – тоже на базе площадки «Atomyze».

И он тоже был приобретен брокерской компанией, которая на этой площадке является участником торгов.

В докладе и в презентации я обращал внимание на необходимость создания современных решений, позволяющих преодолевать проблемы, связанные с глобальными расчетами.

Потому что перед нами стоит задача – реализовывать товарно-сырьевые активы, в том числе и наш металл, который мы в стране добываем.

И не очень понятно, как за этот металл получать выручку, если никакие валюты не «ходят», а те, которыми возможно рассчитываться, под большим риском.

Поэтому цифровые технологии будут развиваться.

Те сделки, что мы сейчас видим, – это имиджевые, тестовые сделки, которые показывают функционал системы. Этой системы либо любой другой, которые наверняка параллельно будут появляться.

Возможно, появится на базе организованных торгов на площадке Московской биржи или других бирж, которые тоже проявляют интерес к этому.

И все это будет нацелено в первую очередь на то, чтобы решить проблему глобальных расчетов как для импорта, так и для экспорта.

Использование в этих системах для расчетов цифровых финансовых активов, привязанных к тем драгметаллам, которые мы в стране добываем, это, естественно, правильный путь.

Это очень интересно. И за этим нужно наблюдать.

| д. ф. -м. н. **ОГАНОВ А.Р.** – **ЩАВЕЛЁВ С.Д.**

| **ОГАНОВ А.Р.**

| д. ф. - м. н., профессор РАН, профессор Сколковского института науки и технологий

Оганов А.Р.: Во-первых, спасибо за доклад.

Мне очень приятно видеть настоящего эксперта по драгметаллам.

Сразу признаюсь, я не верю ни в одну валюту мира.

Я верю, что есть одна валюта, которую Господь Бог «печатал» первые шесть дней творения интенсивно, а потом перестал.

Больше он «печатать» эту валюту не будет.

И это как раз золото.

Если точнее, золото и земля – две единственные валюты, в абсолютность которых я верю.

Поэтому сейчас, особенно с учетом того, что могут запретить хождение доллара, и, может быть, вообще он исчезнет как резервная валюта на горизонте 5 или 10 лет, я верю в то, что рационально свои сбережения хранить именно в драгметаллах, в особенности в золоте.

Это с одной стороны.

С другой стороны, история учит нас, что древние люди хранили свои сбережения в ракушках.

Ракушки имели функцию денег до того, как древние греки стали печатать монеты.

Сейчас ракушки никому даже даром не нужны.

В районах Африки имели хождение кристаллы соли как форма денег.

Сейчас кристаллы соли тоже никому не нужны.

Возможно ли, что золото в какой-то момент перестанет быть кому-то нужным?

Понятно, что оно необходимо промышленности, поэтому цена его не уйдет в ноль, как цена ракушек.

Но есть ли такой риск, что цена золота вдруг просядет настолько, что все те, кто разделяет мою веру в абсолютность золота как формы хранения сбережений, вдруг окажутся посрамлены, как аборигены, хранившие деньги в ракушках?

Резюмирую.

Первое – насколько рациональна или нерациональна моя вера в то, что валюта не имеет никакого смысла, а золото и прочие драгметаллы имеют?

Второе – насколько велик риск, что золото просто превратится в труху?

Тосунян Г.А.: Это вообще больше философский вопрос, не только материальный.

Щавелёв С.Д.: Да, философский вопрос, я бы так сказал.

Если в современных условиях будет создан механизм, который позволит физлицам использовать драгметаллы так же легко и свободно, как рубли или валюту на карточном счете, то, наверное, это будет правильно с точки зрения глобальной.

Я сохраняю всё в металле.

У меня карточка, я ей плачу, по какому-то фиксированному курсу у меня все это пересчитывается в ту валюту, в которой можно за обед рассчитаться.

И все работает, все прекрасно.

Пока таких механизмов, насколько я знаю, в нашей стране нет.

Какие-то подобные практики начали появляться в Финляндии: есть контора, которая позволяет клиентам депонировать металл в слитках в хранилище, и при этом она каждый день пересчитывает стоимость этого металла.

Условно говоря, у вас карта ведется в граммах металла.

Но это частные решения, которые пока на широкой аудитории нигде не были применены.

И большой вопрос, насколько они вообще возможны к применению, потому что все-таки металл – вещь ограниченная, и ввиду этого его ценность и стоимость такова, какова она именно сейчас.

Может ли металл превратиться в ракушку?

Тоже философский вопрос.

Простой пример из прошлого двух металлов платиновой группы: платина была самым дорогим металлом и стоила значительно больше, чем все остальные, а палладий был самым дешевым после серебра, он был никому, условно говоря, не нужен.

Но когда вдруг всплыли на поверхность скандалы, связанные с промышленным употреблением этих двух металлов, стало ясно, что платина переоценена и никому не нужна.

А палладий оказался металлом будущего и востребованным в промышленности на ближайшие несколько десятилетий, пока автомобили с бензиновыми двигателями будут выпускаться.

Что будет дальше?

Может быть, то же самое произойдет с серебром и с платиной, когда мир перейдет на новые технические решения, новые fuel cells (топливные элементы), которые будут снабжать энергией аппараты будущего.

Это все кажется нам далеким, но, возможно, произойдет в ближайшее время.

А золото, повторюсь, оно исторически, с самых ранних времен человечества, имело функцию тезаврации (накопления) и функцию сохранения сбережений.

И да, бумажное золото, развитие финансовых технологий и услуг оказывает влияние на его стоимость все больше и больше.

Тем не менее где-то на подсознании у всех, не только у нас, но и у крупнейших потребителей золота в мире, есть уверенность, что оно – та самая ценность, которую нужно сохранять.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Сергей!

В порядке полемики и я поделюсь некоторыми своими соображениями.

Если посмотреть на вложения в золото, то историческая инерция здесь, безусловно, играет свою роль.

И она довольно сильна.

Но если копнуть глубже, то любая валюта – это обязательства, обеспечиваемые ее характеристиками.

«Бумажное золото» – это фактически электронная форма платежного средства, только в эквиваленте золота.

Что такое золото? И какие современные заменители ему мы сможем найти, если общество будет развиваться в цивилизованном направлении, а не одичает и не взорвет всю планету?

Попробую обозначить основные характеристики.

Первое – это конвертируемость.

Второе – формализация. Валюта требует определенной формализации.

Третье – оборачиваемость.

В принципе, и криптовалюта ничем не хуже, чем бумажное золото.

Другое дело, какая это криптовалюта?

Признана ли она широким кругом сообщества, чтобы быть уверенными, что сообщество не откажется от принятых договоренностей?

Сможет ли на каком-то этапе человечество дойти до того уровня развития, когда обязательства всех друг перед другом будут признаны в каком-то, неважно каком, но в

едином эквиваленте, будут достаточно формализованы, однозначно обозначены, публично закреплены и оборачиваемы?

Потому что золото все равно носит некоторые издержки тех же валют – бумажных, электронных.

В криптовалюте заложена определенная философия.

Это зафиксированные обязательства, взятые на себя и обмениваемые (со своими издержками и скепсисом, который сегодня многие к ней испытывают).

Однако, по большому счету, если бы человечество сумело договориться о том, что есть некая от Бога данная система учета обязательств всех перед всеми, то и вопросы справедливости, и вопросы обмена, и вопросы прозрачности, и многие другие вопросы могли бы быть решены.

Наверное, движение цивилизованного человечества больше будет в эту сторону, а не в ракушки, в доллары и какие-то валюты, на бумагах отраженные, которые вызывают действительно множество сомнений.

Это, может, очень дилетантские рассуждения.

Но некий тренд в этом направлении меня больше вдохновляет, чем, допустим, та же психологически закрепленная в сознании миллиардов людей инерция незыблемой ценности золота, которая многим душу греет.

Вы знаете, что некоторые выдающиеся наши деятели навешивали и навешивают на себя килограммы золота в виде часов, цепей, визитных карт и прочей дребедени.

И очень были и сейчас очень счастливы!

Греет им душу благородный металл!

Причем я имею в виду не женщин, страсть которых к золотым изделиям еще можно как-то понять.

Я говорю об очень солидных мужчинах...

Но суть моей краткой реплики в том, что «всеобщий эквивалент» взаимных обязательств в современных условиях научно-технического прогресса и широкого спектра правовых инструментов надо искать не в металле и не в эмитированных кем-то бумажных валютах...

Пожалуйста, Павел Алексеевич Медведев.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., финансовый омбудсмен АРБ

Если позволите, я прореагирую на реплику про «доллар, который исчезнет». Безусловно, исчезнет!

Дело в том, что наши прогнозы несовершенны не в содержательной части, а во временной.

Я уже рассказывал, что я научился читать в 1946 году. Мне было 5–6 лет. Из-за того, что детских книжек не было, читал газету «Правда». Кроме нее почитать было нечего.

По определенным причинам меня запирали в нашей комнате в коммунальной квартире, и я с утра до ночи читал газету.

В один прекрасный день мною было прочитано, что доллар доживает последние часы.

И я ждал следующего номера, чтобы убедиться, что доллара уже нет...

Так что доллар точно когда-нибудь погибнет.

Теперь по поводу привязки денег к золоту и к драгоценным металлам.

Однажды на нашем семинаре выступал один ученый и сообщил нам радостную весть, что за последние 500 лет заметная доля производства ВВП переместилась из христианских стран в страны нового мира.

В этом сообщении есть ключ, который объясняет соотношение между драгоценными металлами и деньгами.

Эта информация, правда, немножко неточная, как в анекдоте: «Не выиграл, а проиграл; не в лотерею, а в карты».

Последние 500 лет движение как раз шло ровно в противоположную сторону. 500 лет, как, впрочем, и 250 лет тому назад, доля ВВП, производимая в Китае, была 35% и сотни лет практически не менялась.

Индия и Китай, как 500 лет, так и 250 лет тому назад, производили больше 60% мирового ВВП!

250 лет назад произошли те самые драматические события, на которые пытался сослаться ученый: началась великая промышленная революция, и производство из Китая и Индии поползло в христианский мир.

Это продолжалось долго-долго.

Перелом произошел 40 лет назад, когда состоялся пленум ЦК КПК, на котором известный китайский деятель устроил китайскую революцию.

35 лет тому назад китайская доля стала расти и выросла до 15%. 35% не пахнет до сих пор!

Хотя в конце концов лет через 50 производство переползет в Африку.

С ростом ВВП в христианском мире произошла еще одна революция.

Товарооборот между странами и внутри них стал расти фантастическими темпами!

В десятки, а может быть, в сотни тысяч раз относительно того, что было 250 лет тому назад.

Китайская и индийская экономики были очень замкнуты, и товарооборот был мал.

Теперь товарооборот так велик, что для его обеспечения требуется очень много денег.

Если бы обслуживание современного товарооборота мы обеспечивали деньгами, которые привязаны к золоту, то золото было бы выгодно добывать из морской воды (в морской воде, как известно, золото растворено).

Поэтому к драгоценным металлам деньги не будут привязаны никогда!

Это абсолютная фантазия.

Я над этой проблемой начал думать в начале 90-х годов.

Моя жизнь так сложилась, что мне надо было хоть приблизительно научиться различать дебет и кредит.

И благородные люди – Яша Миркин, например, который сейчас здесь присутствует, и Олег Иванович Лаврушин – взялись терпеливо меня учить.

И еще за это дело взялся Виктор Владимирович Герашенко.

Он, бывало, приглашал меня в кабинет в Госбанк СССР.

В его кабинете, как всегда у больших начальников, на огромном столе стояло двадцать, наверное, телефонных аппаратов. И он мне объяснял, что такое золото, с помощью этих телефонных аппаратов.

Тянул руку к этому столу с телефонными аппаратами и говорил: «Вот только тянешься к телефону, чтобы попросить начать грузить золото в автомобиль, чтобы везти в Шереметьево, чтобы отправить в Лондон... только тянешься к аппарату, а уже в Лондоне цена золота падает».

Золото – это плохой актив.

И его качество ухудшается.

К сожалению для золота, его потребление в промышленности падает.

Технический прогресс, оказывается, вытесняет золото.

Уже не нужно теперь в выключателях контакты делать золотыми, можно без этого обойтись.

Моноotonно падает потребление золота в стоматологии, падает потребление в ювелирке.

Демократизируется общество: теперь не драгоценные украшения в моде, а бижутерия.

Поэтому, скорее всего, золото не за 10 лет, не за 20, может быть, даже не за 50 лет, но превратится... в криптовалюту.

То есть в то, ценность чего надо будет долго-долго объяснять.

И в конце концов через 50 лет это точно уже объяснить не удастся.

Разница между криптовалютой и самой плохой валютой, которая регулируется государством, состоит в следующем.

Самая плохая валюта регулируется центральным банком, а там есть начальник, который смотрит в окошечко и видит, что появился новый товар в магазине, который надо запустить в оборот.

И если видит, что появилось много товаров и не хватает денег для оборота, то выпускаются новые деньги. И в каком-то смысле – наоборот.

Более толковый председатель центрального банка делает это лучше.

Тот председатель центрального банка, который опирается на здоровую экономику, делает это успешнее.

Тот, который сидит в центральном банке в Соединенных Штатах Америки, 75 лет что я за ним наблюдаю, делает это из рук вон плохо.

И поэтому действительно доллар скоро исчезнет.
Спасибо.

| МАМОНТОВ А.Н. – ЩАВЕЛЁВ С.Д.

| МАМОНТОВ А.Н.

президент Московской международной валютной ассоциации

Мамонтов А.Н.: У меня конкретный вопрос.

Сергей сказал вскользь о биржевой торговле.
Мне хотелось бы узнать в связи с этим следующее.

Первое.

Насколько эта биржевая торговля сейчас перспективна?

Я имею в виду на Московской бирже, спотовая торговля.

Второе.

Торговля ПФИ (производными финансовыми инструментами).

Сергей упомянул о том, что РТС запустила инструменты по драгметаллам, фьючерсы и опционы.

Об этом хотелось бы подробнее узнать.

И чтобы добавить игривости, все-таки тоже вскользь было упомянуто, что есть так называемые депозитарии, или хранилища биржевого золота.

Каковы объемы этого золота в тоннах, хранящегося на Московской бирже?

И где оно хранится?

Щавелёв С.Д.: Спасибо большое за вопросы.

Что касается Московской биржи и объемов торгов.

В 2013 году был стартап Московской биржи, когда были запущены торги.

Но биржа еще до объединения с РТС очень хотела превратить свои расчетные фьючерсы и опционы в поставочные, потому что это было некое развитие.

Биржевая площадка РТС была достаточно активна.

Она хотела составить конкуренцию в том числе и банковским металлическим счетам.

И свои спекулянты, которые что-либо покупали и продавали на РТС, имеющие возможность переходить из фьючерсного контракта в реальный слиток, – это была их мечта.

После объединения с ММВБ эта история немного видоизменилась.

Понятно, что для запуска поставочных фьючерсных или опционных торгов был необходим базис.

Базис – спотовые торги реальным металлом.

Построить на тот момент, в 2013 году, какие-то реальные условия для торговли именно слитками не представлялось возможным с точки зрения документарных и с точки зрения нормативных актов.

Поэтому все было построено как биржевое хранилище, где «оцифровываются» слитки в металлические счета.

Дальше торгуется остаток на металлическом счете, как будто это валюта.

Продавец, соответственно, избавляется от слитка, получая средства, а покупатель имеет возможность забрать слиток из хранилища.

В теории – да, все точно так было построено.

К рынку подключились банки, потому что для них это было проще всего.

К рынку подключился Банк России.

А после этого стали подключаться брокеры со своими клиентами.

Была проблема, естественно, в законодательстве: рынок ценных бумаг не был прописан под этот инструмент; сейчас он уже прописан.

На данный момент на биржевой площадке уже участвуют и производители, и потребители, и банки, и брокеры с их розничными клиентами.

Но проблема остается, потому что, естественно, рынок спотовый без актива мало что может предложить.

Если в хранилище нет биржевых слитков, то чем торговать?

Только тот, кто что-то когда-то купил, может это продать.

А слитков, может быть, уже и нет в хранилище.

Что мы наблюдаем с марта этого года?

Все больше и больше брокеров начинают подключаться к биржевым торгам.

Например, банк «Тинькофф», который не хочет развивать у себя ОМС (обезличенные металлические счета), через свою брокерскую компанию дает доступ к биржевым торгам.

По сути, это то же самое.

А дальше, при получении возможности перебросить для своих клиентов, условно говоря, металл со счета биржевого на счет в банке, теоретически у клиентов «Тинькофф» или другого банка возникает возможность эти слитки получить уже без НДС.

Объемы торгов после начала спецоперации начали расти.

Спрос появился от розничных клиентов, мы его видели.

Но этот спрос в биржевых стаканах, естественно, не в состоянии перелопатить все, что страна производит, – в этом проблема.

Что касается вопроса об остатках и где они находятся.

У биржи два хранилища.

В Москве это сторонние специализированные перевозчики.

Есть там и аудит этих слитков.

Сколько там сейчас золота, естественно, информация нераскрываемая.

Но тем не менее эти слитки есть и были.

И хранилища тоже есть.

Я их сам видел.

| ТОСУНЯН Г.А.
| акад. РАН

Ради сохранности этих слитков мы не будем раскрывать пароли, адреса и явки.

Например, Федеральная резервная система США в Нью-Йорке очень интересно хранит резервы – у себя в подвале.

Там сидит один полусонный охранник.

Когда туда спускаешься, он открывает двери, потом за тобой их закупоривает, и ты понимаешь: если он вдруг забудет открыть, ты можешь там остаться навсегда и задохнуться.

Там в слитках хранятся резервы многих стран.

Тебе показывают: «Вот это резерв такой страны, это резерв другой страны...»

При этом кроме этого полусонного охранника еще только пара-тройка людей на входе в здание.

И никаких железных ставней.

В общем, несерьезно слитки охраняют.

Но до сих пор не было ни единого факта хищения из этого хранилища.

Просто потому, что там действительно охраняют, а не устраивают показуху высокой степени охраны, лишь бы потратить на это огромные деньги...

В завершение я попрошу академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова выступить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н.,
научный руководитель Института философии РАН

Я хочу ограничиться благодарностью в адрес докладчика.

Совершенно замечательный доклад: точный, предметный, конкретный.

Во всяком случае для меня он оказался очень полезным.

Золото и драгоценные металлы прямо связаны с общим взглядом на экономику и местом экономики в жизни человека и общества.

Гарегин Ашотович, я могу только поздравить Вас как ученого, который всегда стремится связать конкретные, актуальные, эмпирически важные вещи с большой академической теорией.

Поздравить с тем, что Вы так соединили свои «Рабочие завтраки» с нашей академической наукой, в частности, с Отделением общественных наук.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо.

Будем завершать.

Благодарю нашего докладчика, Сергея Дмитриевича Щавелёва.

И я благодарен сопредседателю, Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

Наша атмосфера представляет особую ценность.

В том числе для решения социально-экономических задач общества.

Поэтому хочу подчеркнуть содержательность и глубину сегодняшнего заседания.

Безусловно, издадим материалы этого обсуждения.

Мы только неделю назад провели «Рабочий завтрак», и многие удивились, почему сегодня у нас снова заседание.

А между тем в пике сегодня было более 50 человек в Zoom и 17 человек очно.

Сейчас, конечно же, народ разошелся уже. В хорошем смысле разошелся.

Но все равно сейчас 40 человек с нами.

Не всегда бывает возможность проводить заседания каждые две недели – бывает интервал в 3 недели.

Поэтому мы иногда компенсируем это более коротким интервалом в одну неделю.

Но самое главное – это потребность в нашем общении.

Доказательством является то, что люди приходят даже без обозначенной повестки дня.

Посмотрите, например, сборник, который объединил наши предновогодние заседания.

На традиционных предновогодних заседаниях 31 декабря повестки у нас не бывает – выступают все, кто хочет.

Очень интересно, как обмениваются люди и итогами года, и своими представлениями о будущем.

Я очень надеюсь, что эта традиция обмена мнениями и духовного интеллектуального общения сохранится на долгие годы!

Даже когда криптовалюта, возможно, заменит золото, мы будем продолжать эти темы обсуждать с Вами вместе.

Здоровья, удачи и до следующих встреч!

Спасибо.

Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН и НИИ ДДиП

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
3. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
4. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
5. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
6. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

7. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
8. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
9. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
10. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 128 с.
11. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 171 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по QR-коду

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Материалы «Открытой дискуссии
президента АРБ», академика РАН Г.А. Тосуняна
21 апреля 2022 года

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Материалы заседания НКС ООН РАН
15 октября 2022 года

Выпуск № 10

Электронную версию сборника
и презентации докладчиков можно скачать по QR-кодам

Подписано в печать 01.09.2023

Формат 60x90/16

Цифровая печать

Тираж 500 экз. Заказ №81

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Целью института является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Этот институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.